

118320

Проф. Д. М. Багалый.

УДАЛЕНІЕ ПРОФЕССОРА И. Е. ШАДА

ИЗЪ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ
Харьковскаго университета).

ХАРЬКОВЪ.

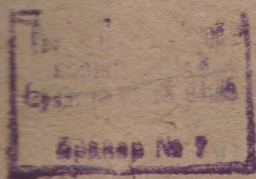

Паровая Типографія и Литографія Зильбербергъ

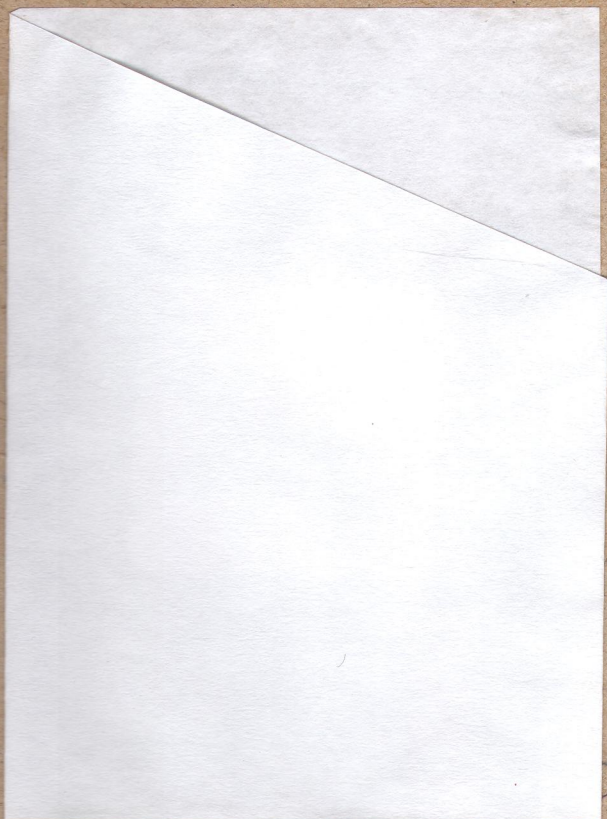
(Рыбная улица, домъ № 30-й).

1899.

4/81(2/7119
2448.4(4442)2083

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА НАН

Проф. Д. И. Багалъй.

УДАЛЕНІЕ ПРОФЕССОРА И. Е. ШАДА

ИЗЪ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ
Харьковскаго университета).

ЦЕНТРАЛЬНА ПЛАЗКОВИ
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Ім. № 18320

843

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія Зильбербергъ.

(Рибная улица, домъ № 30-й).

1899.

Проверено
ЦНБ 1989

84 08
66 99 99

Годъ 2. 2. 2.

УДѢЛЕНІЕ ПРОФЕССОРЪ И. Е. ШАДЪ

НАР. ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ
разрѣшается. Сентября 15 дня 1899 года.

Ректоръ Университета *Г. Лигермаркъ.*

Харьковскаго Университета

ХАРЬКОВЪ

Наблюдатель Типографіи и Литературнаго Завѣдѣнія

Городъ Харьковъ, дома № 20-21

1899

1899

Удаленіе профессора Шада изъ Харьковскаго университета.

I.

Предварительныя замѣчанія.

Устраненіе проф. философіи Ивана Егоровича Шада отъ должности и высылка его изъ предѣловъ Россіи за границу въ 1816 году является однимъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ въ первоначальной исторіи Харьковскаго университета, какъ по личности этого крупнаго, выдающагося дѣятеля, рекомендованнаго нѣкогда на кафедре въ Харьковъ знаменитымъ Гете и Шиллеромъ, такъ и по превратностямъ его судьбы, такъ, наконецъ, и по тому шуму, которое подняло это дѣло въ Германіи, гдѣ въ изгнанникѣ видѣли жертву политическихъ интригъ русскихъ поклонниковъ Наполеона. Но помимо этого, такъ сказать, спеціальнаго интереса эпизодъ этотъ заслуживаетъ вниманія еще и съ другой стороны: онъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ той реакціей, которая началась у насъ во вторую половину царствованія Императора Александра I-го и выразилась въ Казанскомъ университетѣ погромомъ Магницкаго и въ Петербургскомъ — извѣстной исторіей профессоровъ, подвергнутыхъ Шемякину суду Рунича. Высылка Шада — была однимъ изъ проявленій реакціи въ Харьковскомъ университетѣ.

До сихъ поръ мы знали объ этой исторіи очень мало — то, что напечатано Н. А. Лавровскимъ въ его монографіи о Шадѣ, въ основу которой положены официальные документы университетскаго архива и тѣ два печатныя сочиненія, которыя и послужили главною причиною его высылки. Важною заслугой автора нужно признать, что онъ привелъ въ русскомъ переводѣ тѣ мѣста изъ книги Шада о естественномъ правѣ, которыя были поставлены этому профессору въ вину министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но свѣдѣній о причинахъ высылки у Н. А. Лавровскаго приведено мало; недостаточность ихъ объясняется тѣмъ, что дѣло Шада велось конфиденціально и потому въ университетскомъ архивѣ сохранилось немного слѣдовъ его. Изъ бумагъ самого Шада въ распоряженіи Н. А. Лавровскаго былъ только

одинъ документъ — это письмо его къ русскому посланнику въ Веймарѣ, въ которомъ Шадъ выставляетъ виновникомъ своихъ бѣдствій попечителя округа графа С. О. Потоцкаго и профессора Дегурова. Но письмо это въ свою очередь нуждается еще въ критической провѣркѣ. Является невольно вопросъ—могъ-ли извѣстный своимъ благородствомъ гр. С. О. Потоцкій совершить приписываемый ему некрасивый поступокъ; откуда Шадъ имѣлъ возможность получить послѣ высылки своей за границу точныя свѣдѣнія о дѣлѣ, которое велось секретно. Для уясненія данныхъ, заключающихся въ этомъ письмѣ и для освѣщенія всего этого эпизода, очевидно, нужны другіе источники. И такіе источники, къ счастью, нашлись: въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія сохранилось огромное дѣло, или точнѣе говоря, цѣлый рядъ дѣлъ, соединенныхъ воедино, о высылкѣ Шада за границу; это полное производство дѣла со всѣми его перипетіями, основанное на подлинныхъ собственноручныхъ документахъ. Его цѣнность усугубляется тѣмъ, что матеріаль въ немъ не односторонній, а, если такъ можно выразиться, двусторонній: тутъ мы находимъ съ одной стороны полную коллекцію обвиненій противъ Шада—какъ явныхъ, такъ и тайныхъ, а съ другой еще болѣе обширную коллекцію его оправдательныхъ писемъ и записокъ. Оказывается, что Шадъ не успокоился въ изгнаніи; считая себя невинно потерпѣвшимъ, онъ долгое время, почти до самой своей смерти—старался оправдаться во взведенныхъ на него обвиненіяхъ съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ русское правительство вознаградило его за понесенный имъ благодаря внезапной высылкѣ ущербъ. Матеріальное положеніе его было настолько неудовлетворительно, что само по себѣ уже какъ бы толкало его на этотъ путь; затѣмъ, несомнѣнно, здѣсь дѣйствовали и другіе мотивы—и между прочимъ важную роль игралъ его неугомонный характеръ и огромный запасъ жизненной энергии, которую онъ затрачивалъ на эту тяжелую и неблагодарную попытку самооправданія. Защищая свои сочиненія, онъ попутно излагаетъ и сущность, и отдѣльныя черты своего философскаго міросозерцанія—и эта часть документовъ должна быть признана весьма важной для исторіи философіи и философскихъ кафедръ въ Россіи. Философія, какъ извѣстно, въ это время начала подвергаться настойчивому преслѣдованію со стороны христіанскихъ піетистовъ и мистиковъ—а Шаду казалось—и онъ былъ искренно убѣжденъ въ этомъ—что ему удалось разрѣшить ту задачу, надъ которою доселѣ не перестаютъ, да вѣроятно и никогда не перестанутъ трудиться мыслители—а именно—примирить разумъ съ вѣрою. Весьма любопытно слѣдить, какъ онъ отстаиваетъ свою философскую попытку въ объясненіяхъ, адресован-

ныхъ главѣ русскихъ пѣтистовъ того времени — министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну.

Указываемое нами дѣло о высылкѣ Шада изъ Харькова было извѣстно акад. М. И. Сухомлинову: онъ ссылается на него въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи образованія въ царствованіе Императора Александра I-го“; но почти совѣмъ не пользуется имъ для своихъ цѣлей, конечно, потому, что оно выходило изъ рамокъ его очерковъ ¹⁾. Такимъ образомъ, намъ предстоитъ, можно сказать, впервые познакомиться съ нимъ читающую публику и ввести его въ научный обиходъ. Въ полномъ своемъ объемѣ оно не вмѣщается въ рамки нашего „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ и потому мы посвящаемъ ему отдѣльный этюдъ.

II.

Обстоятельства, предшествовавшія высылкѣ Шада изъ Харькова.

Лишеніе профессуры и высылка Шада изъ Харькова были вызваны двумя главнѣйшими причинами — учеными промоціями Ковалевскаго и Гриневича, которымъ онъ будто помогъ сочинить ихъ диссертациі, и его собственными сочиненіями, которыя были признаны вредными для русскаго юношества. Вотъ каковы были обстоятельства этого дѣла, по краткимъ извлеченіямъ изъ протоколовъ совѣта, правленія и факультета, сохранившимся въ „дѣлѣ о Шадѣ“.

Въ засѣданіи совѣта 22 декабря 1815 года профессоръ Дегуровъ предложилъ, чтобы диссертацию, написанную кандидатомъ Гриневичемъ для полученія степери доктора, сличить съ манускриптами лекцій профессора Шада, причемъ представилъ записки студента Сорочинскаго и учителя Харьковской гимназіи Колядина, говоря, что диссертациа Гриневича, кажется, выписана изъ этихъ записокъ. По этому представленію совѣтъ назначилъ комиссію изъ профессоровъ — Шумлянскаго, Нельдехена и Успенскаго, присовокупивъ къ ней адъюнкта Комлишинскаго въ качествѣ секретаря—для сличенія диссертациі Гриневича съ записками лекцій профессора Шада; и сверхъ того положилъ пріостановить выдачу докторскаго диплома Гриневичу. Въ засѣданіи 5 января 1816 г. профессоръ Дегуровъ замѣтилъ, что диссертациа доктора Ковалевскаго сходна во всемъ (*iisdem verbis conspecta*) съ диссертациею профессора Шада, *прежде* написанною; и потому просилъ совѣтъ изслѣдовать это дѣло, а дотолѣ пріостановить выдачу ему диплома. Вслѣд-

¹⁾ Не извлеченія изъ дѣла, а скорѣе краткія данныя о немъ помѣщены на двухъ страницахъ его труда (Иссл. и статьи, т. 1-й, стр. 102—104).

ствіе этого было поручено вышеупомянутой комиссіи сличить обѣ диссертациі. Въ засѣданіи 9 февраля комиссія представила свои выводы о результатахъ сличенія диссертациі Гриневича съ записками Сорочинскаго и Колядина и диссертациі Ковалевскаго съ сочиненіемъ профессора Шада; оказалось по ея наблюденію, что послѣднія книги представляютъ одно и то же сочиненіе, съ тою только разницею, что изслѣдованіе Шада гораздо обширнѣе работы Ковалевскаго. При этомъ комиссія присовокупила, что по качеству измѣненія выраженій, порядка расположенія диссертациі можно заключить, что здѣсь требовалось такое познаніе и самого предмета, и латинскаго языка, какого нельзя предполагать въ лицѣ, выдавшемъ эту диссертацию за свою собственную. По прочтеніи этого донесенія совѣтъ опредѣлилъ истребовать чрезъ комиссію объясненія отъ докторантовъ Гриневича и Ковалевскаго. Въ томъ же засѣданіи ректоръ представилъ повѣстку, въ которой предлагалъ Дегурову и Шаду выйти изъ присутствія при чтеніи донесенія комиссіи. На этой повѣсткѣ проф. Шадъ написалъ жалобу, что совѣтъ уже три раза не внималъ его протесту противъ нѣкоторыхъ опредѣленій и не хотѣлъ слушать и вносить въ журналъ мнѣній его и декана нравственно-политическаго факультета профессора Рейта. При этомъ профессоръ Рейтъ замѣтилъ, что онъ, какъ деканъ, просилъ позволенія сдѣлать донесеніе совѣту на основаніи дѣлъ факультета о заблужденіи профессора Дегурова касательно диссертациі Ковалевскаго. Ректоръ отвѣчалъ, что объясненія профессоровъ Шада и Рейта не были приняты потому, что еще не доставлены были донесенія комиссіи, а теперь слѣдуетъ еще предварительно выслушать докторантовъ. Въ засѣданіи 16 февраля прочитано было предписаніе министра народнаго просвѣщенія о доставленіи ему диссертациі Гриневича и Ковалевскаго и подлинныхъ тетрадей, по которымъ преподавалъ философію проф. Шадъ. Во исполненіе этого предписанія препровождены были къ министру эти диссертациі, и такъ какъ профессоръ Шадъ объявилъ, что онъ манускриптовъ лекцій не имѣетъ, то вмѣсто нихъ отправлены были записки кандидата Райдаровскаго, студента Сорочинскаго и учителя Колядина, съ извлеченіями, представленными совѣту комиссіею. Манускрипты эти потомъ были возвращены въ университетъ, какъ о томъ объявилъ секретарь совѣта профессоръ Рейтъ въ засѣданіи 5 апрѣля. Въ засѣданіи 22 марта были представлены объясненія Ковалевскаго и Гриневича, написанныя въ присутствіи членовъ комиссіи. Совѣтъ опредѣлилъ сообщить ихъ циркулярно для разсмотрѣнія профессорамъ. 5-го апрѣля прочитано было предложеніе попечителя, коимъ онъ давалъ знать, что министръ препроводилъ къ

нему на разсмотрѣніе прошеніе магистра Ковалевскаго касательно выдачи диплома и предлагалъ сообщить о мѣрахъ, принятыхъ къ изслѣдованію дѣла. При этомъ ректоръ объявилъ, что объясненія докторантовъ Гриневича и Ковалевскаго всѣми профессорами были уже разсмотрѣны. Совѣтъ положилъ истребовать изъ нравственно-политическаго факультета дѣла его по этому предмету. Въ засѣданіи 26 апрѣля читаны были выписки изъ журналовъ этого факультета, относящіяся къ экзамену Ковалевскаго. При чтеніи статьи о диссертациі ректоръ спросилъ у членовъ факультета: подписана ли была ими диссертациія Ковалевскаго прежде напечатанія ея. На это профессоръ Успенскій отвѣчалъ, что диссертациія имъ не была подписана, а проф. Швейкартъ объявилъ, что онъ не помнитъ, подписалъ ли ее или нѣтъ. Тогда принесенъ былъ манускриптъ изъ типографіи, который оказался подписаннымъ только деканомъ факультета профессоромъ Рейтомъ; по этому постановлено было предписать секретарю факультета представить совѣту рукопись, подписанную членами факультета, если таковая отыщется. Въ слѣдующее засѣданіе секретарь факультета Дудровичъ объявилъ въ совѣтѣ, что онъ читалъ и одобрилъ диссертацию Ковалевскаго и засвидѣтельствовалъ это своею подписью на бумагѣ, на которой подписался проф. Шадъ; но съ тѣхъ поръ этой диссертациі онъ не видѣлъ и не знаетъ, эта ли рукопись передана въ типографію; при дѣлахъ факультета находится печатная диссертациія Ковалевскаго. 29-го апрѣля продолжалось чтеніе выписокъ изъ журналовъ нравственно-политическаго факультета, причемъ изъ статьи 3 открылось, что въ письменномъ рѣшеніи докторантомъ Ковалевскимъ вопроса на русскомъ языкѣ находились, по замѣчанію проф. Успенскаго, орфографическія ошибки; по этому совѣтъ постановилъ истребовать отъ факультета объясненія, почему онъ допустилъ Ковалевскаго къ дальнѣйшему экзамену, не сообщивъ о замѣчаніи проф. Успенскаго. Изъ 4-й же статьи этихъ выписокъ оказалось, что факультетъ позволилъ проф. Шаду обработать основательнѣе и изложить яснѣе имъ одобренную диссертацию Ковалевскаго. При этомъ предложенъ былъ вопросъ, можетъ ли факультетъ позволить, чтобы диссертациія кандидата, по одобреніи ея, изложена была профессоромъ яснѣе, а диссертациія докторанта оставалась такою-же, какъ была одобрена. Профессора Шумлянскій и Успенскій объявили, что, по мнѣнію ихъ, такое обработываніе диссертациі можетъ быть допущено по защищеніи ея и по окончаніи производства дѣла, но не прежде этого. Проф. Книгинъ утверждалъ, что по одобреніи факультетомъ диссертациі, тотъ же предметъ, если онъ весьма важенъ и полезенъ, можетъ быть обработанъ основательнѣе и профессоромъ.

Съ его мнѣніемъ согласились профессора—Швейкартъ, Делявинъ, Осиповскій, Каменскій и Нельдехенъ. На запросъ по первому пункту факультетъ отвѣчалъ, что онъ не считалъ нужнымъ приостанавливать экзамена и доносить совѣту о замѣчаніи проф. Успенскаго, ибо, во-первыхъ, вышеупомянутое письменное рѣшеніе вопроса профессоръ русской словесности Срезневскій призналъ совершенно удовлетворительнымъ, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, а во-вторыхъ, нѣкоторыя орфографическія ошибки въ предметѣ философскомъ, для котораго терминологія и русскій слогъ еще не выработаны—не могли явиться достаточнымъ основаніемъ для временнаго прекращенія экзамена. 3-го мая заслушано было вторично предложеніе попечителя отъ 13-го марта и приложенное къ нему прошеніе магистра Ковалевскаго на имя министра народнаго просвѣщенія о выдачѣ ему диплома на званіе доктора. По прочтеніи прошенія совѣтъ замѣтилъ, а) что въ началѣ его находится галлицизмъ, противный свойствамъ русскаго языка, б) что магистръ Ковалевскій не слушалъ публичныхъ лекцій профессоровъ—Швейкарта, Рейта и Успенскаго; кромѣ того изъ дѣлъ нравственно-политическаго факультета открылось, что магистръ Ковалевскій при испытаніи на степень доктора философіи изъ философіи, русской и латинской словесности отвѣчалъ хорошо, письменныя рѣшенія его на латинскомъ языкѣ одобрены были деканомъ Рейтомъ, профессорами—Швейкартомъ и Шадомъ и адъюнктами Павловичемъ и Дудровичемъ, а на русскомъ проф. Срезневскимъ, какъ относительно содержанія, такъ и изложенія; по замѣчанію же проф. Успенскаго тамъ были орфографическія ошибки. Публичныя лекціи его были одобрены проф. Шадомъ, Рейтомъ и Срезневскимъ. Проф. Рейтъ, Шадъ, адъюнкты Павловичъ и Дудровичъ, ознакомившись съ диссертацией, признали ее удовлетворительной, и такъ какъ проф. Шадъ объявилъ, что онъ хочетъ этотъ важный предметъ обработать основательнѣе и полнѣе, то факультетъ и на это согласился и опредѣлилъ напечатать диссертацию Ковалевскаго. Въ журналахъ факультета не было опредѣленія, чтобы магистръ Ковалевскій защищалъ диссертацию, обработанную проф. Шадомъ, послѣ же защиты было рѣшено, въ присутствіи декана Рейта, профессора Шада и адъюнктовъ Павловича и Дудровича, что Ковалевскій достоинъ степени доктора. При этомъ проф. Дегуровъ замѣтилъ, что диссертация магистра Ковалевскаго не всеми членами факультета была одобрена, ибо профессора Швейкартъ, Лангъ и Успенскій не присутствовали и что Ковалевскій экзаменованъ былъ только проф. Шадомъ и не экзаменованъ адъюнктомъ Дудровичемъ, преподающимъ логику; въ засѣданіи 22 декабря 1815 г. не было опредѣленія о производствѣ

магистра Ковалевскаго въ доктора философіи; а въ засѣданіи 5-го января 1816 г., по поводу донесенія профессора Дегурова, поручено было коммссіи сличить диссертацию Ковалевскаго съ диссертациею Шада прежде написанною. Совѣтъ не обратилъ вниманія на обидныя выраженія магистра Ковалевскаго о недоброжелательствѣ нѣкоторыхъ профессоровъ къ проф. Шаду, ибо они опровергались изслѣдованіемъ дѣла. Изъ донесенія факультета отъ 21 декабря 1811 г. явствуетъ, что студентъ Ковалевскій, при экзаменѣ на степень кандидата изъ философіи и естественнаго права отвѣчалъ *очень хорошо*; изъ исторіи, статистики и русской словесности *хорошо*; изъ физики, чистой математики и всеобщей исторіи *посредственно*. Магистръ Ковалевскій не состоялъ въ спискѣ студентовъ и какъ студентъ не былъ никогда экзаменованъ. Всѣ эти справки изъ протоколовъ факультета представлены были совѣту исправлявшимъ должность секретаря его проф. Каменскимъ и, по опредѣленію совѣта разсмотрѣны порознь его членами. Въ засѣданіи 5 іюля проф. Рейтъ представилъ замѣчанія на эту справку. Эти замѣчанія сообщены были для разсмотрѣнія членамъ совѣта, съ тѣмъ, чтобы они дали письменное мнѣніе дѣла о Ковалевскомъ, но таковое сообщилъ только профессоръ Книгинъ; въ засѣданіи 12 іюля, большинствомъ голосовъ постановили донести обо всемъ этомъ предварительно попечителю, а потомъ выдать Ковалевскому дипломъ на степень доктора. 18 октября ректоръ представилъ предложеніе попечителя, въ которомъ, вслѣдствіе предписанія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Голицына, предлагалъ пріостановить исполненіе опредѣленія совѣта о выдачѣ Ковалевскому диплома на степень доктора, предоставивъ ему право, на основаніи § 100 устава университета, подвергнуться новому испытанію. О дѣлѣ докторанта Гриневица также разсуждали въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, а 11-го октября большинствомъ голосовъ рѣшено, чтобы онъ сочинилъ и напечаталъ другую диссертацию, а въ засѣданіи 18 октября къ этому опредѣленію прибавлено, чтобы до исполненія его донести объ этомъ попечителю. Наконецъ, въ засѣданіи 22 ноября прочитано было предложеніе попечителя о томъ, чтобы магистру Ковалевскому, сверхъ времени, истекшаго для экзамена, назначить еще годъ для усовершенствованія въ наукахъ, а по прошествіи его, онъ буде пожелаетъ долженъ подвергнуться строгому испытанію, съ соблюденіемъ въ точности устава университета, — равно и о томъ, что если и дѣло Гриневица въ такомъ же положеніи, то и на него распространить это предписаніе. Совѣтъ опредѣлилъ: такъ какъ кандидатъ Гриневицъ находится въ такихъ же условіяхъ, какъ и магистръ Ковалевскій, то по-

ступить и съ нимъ на основаніи предложенія попечителя, о чемъ и сообщено нравственно-политическому факультету. Въ засѣданіи совѣта 5-го января 1816 г. были представлены цензурнымъ комитетомъ замѣчанія проф. Дегурова на книгу, изданную проф. Шадомъ „*De viris illustribus urbis Romae*“. Совѣтъ опредѣлилъ сообщить ихъ проф. Шаду. Въ засѣданіи 3-го марта прочитано было предписаніе министра народнаго просвѣщенія о разсмотрѣніи этой послѣдней книги и представленіи о ней мнѣнія, равно и о томъ, на чемъ основывался совѣтъ при изданіи ея на счетъ университета. Совѣтъ постановилъ донести министру то, что изъ дѣлъ его открылось, именно: проф. Дегуровъ представилъ училищному комитету книгу „*De viris illustribus urbis Romae*“ съ тѣмъ, чтобы она напечатана была для школъ. Комитетъ препроводилъ эту книгу для разсмотрѣнія въ словесный факультетъ; но прежде чѣмъ послѣдовало донесеніе факультета, проф. Шадъ предложилъ совѣту принять на себя изданіе этой книги съ прибавленіемъ примѣчаній, не требуя себѣ за этотъ трудъ никакого вознагражденія. Совѣтъ вслѣдствіе этого поручилъ изданіе ея проф. Шаду, основываясь на предписаніи министра народнаго просвѣщенія отъ 22 іюня 1811 г., которымъ позволялось печатаніе на счетъ университета латинскихъ классиковъ, какъ-то, — Юлія Цезаря, Саллюстія, Виргилія, Корнелія Непота и проч. Донесеніе цензурнаго комитета постановлено было сообщить членамъ совѣта для разсмотрѣнія. Но въ слѣдующихъ засѣданіяхъ не было сужденія объ этомъ предметѣ и когда получено было предложеніе попечителя относительно доставленія свѣдѣнія объ этой книгѣ, то въ засѣданіи 22 ноября положено сдѣлать справку объ этомъ изъ дѣлъ совѣта. Но была ли въ совѣтѣ разсматриваема эта справка, изъ журналовъ не видно, а только въ журналѣ 13-го декабря упоминается, что секретаремъ совѣта читано и одобрено было донесеніе попечителю о книгѣ „*De viris illustribus urbis Romae*“, изданной профессоромъ Шадомъ. Изъ дѣлъ же правленія открылось, что имъ получено было предписаніе министра народнаго просвѣщенія отъ 28-го января 1816 года, въ которомъ онъ давалъ знать, что находитъ нужнымъ видѣть до выхода въ свѣтъ издаваемую проф. Шадомъ книгу *L'Honorable De viris illustribus urbis Romae* и предлагалъ университету съ первою почтою доставить ему по экземпляру каждаго напечатаннаго листа, и если еще не вся книга вышла изъ печати, то также прислать и неопечатанную часть рукописи, самое же печатаніе остановить и неопечатанныхъ листовъ никому не выдавать. Вслѣдствіе этого по журналу правленія 17 февраля 1816 г. положено: донести министру народнаго просвѣщенія, что эта книга совсѣмъ уже отпечатана, но по причинѣ

протеста противъ нея проф. Дегурова (о чемъ совѣтъ университета имѣлъ свое сужденіе) въ свѣтъ еще не выходила; по требованію же департамента министерства народнаго просвѣщенія два экземпляра ея были отправлены въ Петербургъ, а одинъ отосланъ къ попечителю. Что касается до изданнаго профессоромъ Шадамъ „Естественнаго права“, то до полученія предписанія объ удаленіи проф. Шада въ дѣлахъ совѣта упоминалось о немъ только въ засѣданіи 5-го апрѣля, а именно читалось предложеніе попечителя и замѣчанія министра народнаго просвѣщенія на эту книгу. Тогда же было рѣшено — копію замѣчаній министра сообщить въ училищный комитетъ и проф. Шаду, которому внушить, чтобы исполнилъ предписаніе начальства.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ ходъ дѣла о дарованіи ученыхъ степеней Гриневичу и Ковалевскому. Но мы должны теперь остановиться подробнѣе на самомъ существенномъ вопросѣ: дѣйствительно ли диссертациі ихъ были списаны съ лекцій и сочиненій Шада. Разрѣшеніе этого вопроса, какъ мы видѣли, было поручено особой комиссіи изъ четырехъ профессоровъ — и вотъ ея отчетъ, сохранившейся въ подлинныхъ протоколахъ совѣта за 1816 г. ¹⁾ Относительно диссертациі Гриневича она пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Весь 1-й § текста лекцій Шада, записанныхъ Сорочинскимъ и Колядинымъ, исключая перваго періода, содержится дословно во 2-мъ параграфѣ диссертациі Гриневича, съ незначительнымъ измѣненіемъ словъ. 3-й и 4-й §§ диссертациі съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ порядкѣ словъ, исключая одного предложенія, совершенно сходятъ со 2-мъ § обоихъ рукописей; только конецъ 2-го § рукописи Колядина выраженъ иначе. 3-й § обоихъ рукописей, съ незначительными измѣненіями словъ, содержится въ 5-мъ и 6-мъ § диссертациі. 7, 8, 9, 10 и 11-й §§ диссертациі соотвѣтствуютъ, за исключеніемъ двухъ предложеній, 4, 5, 6, 7 и 8 §§ записокъ. 12, 13 и 14 §§ диссертациі, исключая одного періода, сходны съ 9, 10 и 11 §§ записокъ Колядина, въ которыхъ иными словами выражено только начало текста. 15-й § диссертациі буквально сходятъ съ 12-мъ § рукописи Сорочинскаго и съ 10 § рукописи Колядина, исключая нѣкоторыхъ выраженій, не мѣняющихъ однако смысла. 16-й § диссертациі, исключая конца, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ словъ, содержится въ 13 § рукописи Сорочинскаго и въ началѣ 11-го § рукописи Колядина. 17, 18, 19, 20, 21 §§ диссертациі сходны съ 14, 15, 16, 17 и 18 §§ рукописи Сорочинскаго и 11 § записокъ Колядина. 22, 23, 24, 25 и 26 §§ диссертациі содержатся въ 19, 20, 21, 22 и 23 §§ записокъ Сорочинскаго и 12, 13, 14 и началѣ 15 рукописи Колядина. Хо-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. *Diaria senatus academici* 1816, sessio 22 Januarii.

тя въ 22, 25 и 26 §§ диссертациі и находятся нѣкоторые періоды, которые отличаются отъ записокъ, но смыслъ одинаковый. 28, 39 §§ соотвѣтствуютъ, исключая нѣкоторыхъ измѣненій и прибавленій 16, 17 и 18 §§ рукописи Колядина. Далѣе прерываются обѣ рукописи.

Сравнивъ диссертацию Ковалевскаго съ сочиненіемъ Шада, коммиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ. 1, 2, 3 и 4-й §§ диссертациі Ковалевскаго содержатся буквально въ 1, 2, 3, 4 и 5 §§ изслѣдованія Шада; съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ серединѣ послѣдняго; 5-й § диссертациі Ковалевскаго соотвѣтствуетъ 6-му и 7-му §§ сочиненія Шада; только начало 6-го § измѣнено и выпущено нѣсколько періодовъ изъ 7-го §. 6-й § диссертациі Ковалевскаго совершенно сходенъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, съ 8, 9 и 10 §§ сочиненія Шада; только начало 9-го и вторая половина 10-го § не найдены въ немъ. 7 и 8 §§ диссертациі Ковалевскаго соотвѣтствуютъ 11 и 12 §§ монографіи Шада, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ концѣ 12 § въ языкѣ, но не смыслѣ. 9 и 10-й §§ диссертациі Ковалевскаго сходны съ 13 и 14 §§ книги Шада, но есть и такіе періоды, какихъ нѣтъ въ послѣдней; съ другой стороны не имѣется конца 15-го §. Начало 11-го § диссертациі Ковалевскаго можетъ быть сопоставлено съ началомъ 16-го § сочиненія Шада; средней части этого § не найдено, но конецъ его дословно содержится въ 17 §, исключая перваго періода. Въ книгѣ проф. Шада коммиссія не могла найти 12 § диссертациі Ковалевскаго. 13-й § этой послѣдней содержится, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ словъ, въ первой половинѣ 97 § сочиненія проф. Шада; то же нужно сказать о 15-мъ §, который соотвѣтствуетъ 98 §; 16-й § содержится въ 99 и 105 §§ книги Шада; двухъ послѣднихъ параграфовъ коммиссія не могла найти. Изъ всего этого видно, что оба эти сочиненія въ сущности одно и то же, съ тою только разницею, что книга проф. Шада гораздо обширнѣе.

Итакъ, коммиссія произвела детальное сравненіе диссертаций Гриневича и Ковалевскаго съ лекціями проф. Шада и его печатнымъ сочиненіемъ и пришла къ убѣжденію, что они послужили почти единственнымъ перво-источникомъ для авторовъ не только въ смыслѣ содержанія, но даже изложенія; заимствованы были не однѣ мысли, а и фразы, слова; правда въ диссертацияхъ оказалось и кое-что оригинальное, но его было немного; латинскій языкъ обѣихъ диссертаций былъ на столько удовлетворителенъ, что не могъ, по мнѣнію коммисіи, принадлежать юнымъ авторамъ, недавно оставившимъ студенческую скамью. Изъ всего доклада коммиссіи самъ собою напрашивается выводъ, котораго она изъ деликатности не сдѣлала, что проф. Шадъ прекрасно зналъ, что диссертациі эти представляютъ почти буквальное переложеніе его лекцій и печатнаго сочиненія.

III.

Объясненія Ковалевскаго и проф. Шада относительно докторскихъ промоцій.

Магистръ Харьковскаго университета Петръ Андреевичъ Ковалевскій, сынъ мѣстнаго помѣщика, обратился съ жалобою на незаконныя дѣйствія совѣта къ министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому и въ своемъ прошеніи писалъ. „Оказываемая миѣ совѣтомъ несправедливость заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему сіятельству; приему дерзновеніе обратитъ начальническое вниманіе ваше на слѣдующія обстоятельства. Получивъ магистерскій дипломъ 27 мая 1814 г., продолжая слушать публичныя и приватныя лекціи у профессоровъ этико-политическаго отдѣленія и неуспынно упражняться по этой части и будучи подвинутъ примѣрами многихъ своихъ товарищей, я, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава, просилъ въ 1815 г. 28 іюля университетъ о допущеніи меня къ докторскому экзамену. Вслѣдствіе этой просьбы и согласно опредѣленію факультета, я, выдержавъ всѣ уставомъ предписанныя испытанія, представилъ 15 октября диссертацию „*De libertate mentis humanae*“, которая и одобрена была факультетомъ. Но при чтеніи ея профессоръ философіи Шадъ нашелъ избранную мною тему столь важной и близкой къ главнѣйшему предмету его ученія, что рѣшился лично обработать мою диссертацию, чтобы дать ей такой объемъ, который могъ бы вмѣстить всю его систему. Онъ объявилъ объ этомъ въ засѣданіи факультета и, получивъ официально согласіе своихъ сочленовъ, занялся этимъ трудомъ. Въ половинѣ ноября мѣсяца эта диссертация, вновь обработанная уже соотвѣтственно глубокимъ знаніямъ и многолѣтнему упражненію профессора, изъ 17-ти страницъ распространена до 112-ти, отдана имъ въ печать съ предисловіемъ, въ которомъ проф. Шадъ объясняетъ и ея происхожденіе. Послѣ напечатанія ея 17 декабря, по желанію проф. Шада и всего факультета, я защищалъ эту диссертацию въ новомъ ея видѣ. Сверхъ того я счелъ долгомъ отдать въ печать и свою собственную, какъ одобренную факультетомъ. Въ этомъ не могъ я видѣть ничего предосудительнаго, такъ какъ содержаніе обѣихъ было одно и тоже; но я подношу при этомъ вашему сіятельству оба эти изданія.

По окончаніи публичной защиты, представленъ я былъ факультетомъ къ полученію докторскаго диплома и въ засѣданіи полнаго совѣта, именно 22 декабря единогласно утвержденъ въ званіи доктора, о чемъ свидѣлствуетъ подписанный всѣми профессорами протоколъ.

Но въ засѣданіи совѣта отъ 5 января настоящаго года проф. Дегуровъ, по неизвѣстнымъ мнѣ личнымъ его побужденіямъ, предложилъ приостановить выдачу мнѣ диплома, утверждая, якобы моя диссертация есть ничто иное, какъ выписка съ Шадовой, и доказывая это сходствомъ обоихъ первыхъ параграфовъ и позднѣйшимъ напечатаніемъ моей собственной. Ваше сіятельство изволите видѣть изъ вышепредставленнаго,—и это все актами можетъ быть засвидѣтельствовано—сколько безосновательно таковое предложеніе Дегурова. Оно однакоже по извѣстному здѣсь въ Харьковѣ недоброжелательству нѣкоторыхъ гг. профессоровъ къ пр. Шаду уважено. Между тѣмъ съ теченіемъ времени все это дѣло отъ личностей и ссоръ запуталось до послѣдней степени и нѣтъ кажется другого средства разрѣшить его, какъ собственнымъ разсмотрѣніемъ вашего сіятельства. Въ виду этого съ глубокимъ чувствомъ обиды, оказываемой достойнѣйшему моему наставнику въ философіи и мнѣ лично, осмѣливаюсь представить нижеслѣдующія доказательства, могущія убѣдить васъ, милостивый государь, что я не недостойнъ просимой и уже назначенной мнѣ степени.

Послѣ домашняго ученія, приличнаго моей фамиліи и ея достоинству, отданъ я былъ родителемъ моимъ въ 1800 г. въ пансіонъ, славившійся тогда въ здѣшнихъ губерніяхъ и извѣстный даже Государю Императору, отца протоіерея Василя Фотіева, у котораго я былъ не изъ послѣднихъ учениковъ. Въ 1802 г. поступилъ я въ Харьковское главное народное училище, въ которомъ получилъ два одобрительные листа, а о нахожденіи моемъ въ гимназіи свидѣлствуетъ прилагаемый при семъ аттестатъ. Въ 1807 году опредѣлился я въ пансіонъ Императорскаго Московскаго университета, гдѣ произведенъ въ студенты, и на это имѣю аттестатъ отъ Московскаго университета. Съ 1809 года въ качествѣ студента Харьковскаго университета слушалъ лекціи у разныхъ профессоровъ. Въ 1812 году по испытанію въ силу устава произведенъ въ кандидаты. Въ 1814 г., какъ ваше сіятельство изволили выше видѣть, произведенъ въ магистры и противъ обоихъ производствъ ни отъ кого никакихъ возраженій не было. Лѣшусь, милостивый государь, что ваше сіятельство почтете неестественнымъ, чтобы всѣ эти свидѣтельства были ложны. Цѣлый рядъ ихъ по крайней мѣрѣ можетъ сдѣлать сомнительнымъ обидное для меня предположеніе проф. Дегурова, у котораго (признаю вину мою) я лекцій не слушалъ. Остальную часть моего оправданія вслѣдствіе должнаго моего уваженія къ Императорскому Университету, которому я принадлежу, долженъ я представить собственной пропичательности Вашего Сіятельства и Вашей всѣмъ извѣстной справедливости“. 15-го февраля 1816 г.

Съ своей стороны и Шадъ также обратился въ министерство съ залобомъ на Дегурова и съ разъясненіями по дѣлу о диссертацияхъ

„Дѣла университета, писалъ онъ министру, приняла съ нѣкотораго времени противное существующимъ правиламъ направленіе, благодаря безпорядкамъ, производимымъ проф. Дегуровымъ. Онъ своими каверзами довелъ въ совѣтѣ дѣло до того, что голоса лицъ, настаивающихъ на соблюденіи постановленій, вовсе не принимаются во вниманіе. По этому случаю я объяснилъ совѣту, что въ такомъ непріятномъ положеніи буду вынужденъ отнестись къ вашему сіятельству и до тѣхъ поръ не буду засѣдать въ совѣтѣ, пока не будутъ выполнены требованія устава, съ намѣреніемъ нарушенныя. Такимъ образомъ, чтобы избѣжать отвѣтственности, я въ трехъ засѣданіяхъ представлялъ совѣту въ силу 55 § устава свое особое мнѣніе, прося внести его въ протоколъ, но тщетно. Слѣдовательно, для защиты невинности своей мнѣ не остается иного средства, какъ избѣгать собранія, въ которомъ продолжаются еще противозаконія, до тѣхъ поръ пока властію вашего сіятельства не возстановится прежній порядокъ и законныя постановленія не возымѣютъ своего дѣйствія. Двѣ причины побуждаютъ проф. Дегурова все привести въ разстройство; первая касается моей книги „De viris illustribus urbis Romae“. При этомъ имѣю честь представить вашему сіятельству свое оправданіе (приложеніе 1-е) противъ доноса проф. Дегурова; въ немъ я доказываю двѣ вещи, во-первыхъ, что доносъ этотъ по разнымъ видамъ несправедливъ, а во-вторыхъ, что заключается въ немъ множество такихъ доказательствъ, которыя показываютъ невѣжество этого профессора. По этому осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство, какъ опороченную мою книгу, такъ и самое возраженіе мое предложить всему ученому свѣту, въ твердой надеждѣ, что то и другое будутъ приняты съ отличнымъ одобреніемъ.

Вторая причина, почему проф. Дегуровъ старается возбудить только раздоръ въ университетѣ къ неудовольствію цѣлаго города Харькова, заключается въ томъ, что двое молодыхъ людей съ отличными способностями изъ этико-политическаго факультета, по выдержаніи надлежащихъ испытаній, статутомъ предписанныхъ, заслуживъ всеобщее одобреніе, признаны достойными докторской степени. Первый изъ этихъ молодыхъ людей — Петръ Ковалевскій, который въ 1809 г., окончивъ курсъ ученія своего въ Московскомъ университетѣ, проживалъ до сихъ поръ на собственномъ иждивеніи въ Харьковѣ и въ продолженіи этого премеи занимался съ большимъ прилежаніемъ юридическими, политическими, философскими и филологическими науками съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ своему отечеству.

Другой молодой человек—Илья Гриневичъ, который въ продолженіе пятилѣтняго ученія своего въ Харьковскомъ университетѣ проходилъ лекціи всѣхъ факультетовъ, не исключая и медицинскаго, для пріобрѣтенія всеобщаго понятія о всѣхъ наукахъ. Но главный его предметъ составляли философія и латинская словесность. Когда оба они съ полнымъ одобреніемъ выдержали диспутъ, то этико-политическій факультетъ призналъ ихъ достойными докторской степени. Опредѣленіе это предложено совѣту чрезъ декана проф. Рейта 22 декабря 1815 года. Въ этомъ засѣданіи возсталъ проф. Дегуровъ, утверждая, что диссертация Гриневича вся будто бы выписана изъ моихъ манускриптовъ, диктованныхъ мною студентамъ, и настаивалъ при этомъ на назначеніи особенной комиссіи для изслѣдованія этого дѣла. Большая часть профессоровъ, будучи настроена профессоромъ Дегуровымъ, опредѣлила выдачу диплома Гриневича пріостановить, пока дѣло это не будетъ изслѣдовано комиссіею и представлено совѣту; Петру же Ковалевскому выдать дипломъ на докторское званіе.

Члены этой комиссіи открыли первое засѣданіе свое 23 декабря совѣмъ противозаконно; ибо, гдѣ есть хотя нѣкоторое понятіе о правѣ, вездѣ для членовъ комиссіи обязательны два непремѣнныя условія, а именно: никакой членъ комиссіи не можетъ прежде приступить къ дѣлу, пока не будетъ ему на то дано полномочіе, коимъ и власть его опредѣляется, 2-е, что никакой членъ комиссіи не можетъ преступить границъ даннаго ему полномочія. Но члены настоящей комиссіи оба эти общепринятые правила нарушили уже первымъ своимъ засѣданіемъ. Они открыли тотчасъ, 23 числа, свое присутствіе, не дождавшись экстракта съ опредѣленія совѣта, которое въ качествѣ полномочія надлежало для нихъ изготовить секретарю; а во-вторыхъ, по воуженію проф. Дегурова, они преступили свое полномочіе, входя въ дѣло, до нихъ вовсе не принадлежащее. Совѣтъ постановилъ выдать Петру Ковалевскому безъ дальняго отлагательства докторскій дипломъ. Дегуровъ же, не смотря на сдѣланное университетскимъ совѣтомъ опредѣленіе, въ первое засѣданіе комиссіи настоялъ на томъ, чтобы пріостановились также и съ выдачею диплома Ковалевскому, сдѣлавъ при этомъ ложное донесеніе. Такимъ образомъ, комиссія, исполнивъ требованіе Дегурова, нарушила своевольнымъ образомъ опредѣленія совѣта, вопреки своего долга, обязанности и права.

Узнавъ все это отъ секретаря комиссіи, адъюнкта Комлишинскаго, я подалъ ректору прошеніе, прилагаемое подъ № II, и когда ректоръ не хотѣлъ удовлетворить справедливой и законной моей просьбы, то подалъ я 12 января приложенную здѣсь подъ № III новую просьбу.

бу въ совѣтъ. Но тутъ профессора—Дегуровъ, Каменскій, Шумлянскій и Успенскій подняли шумъ и не принимали отъ меня никакого ни словеснаго, ни письменнаго объясненія. Наконецъ, когда я сослался на законъ, по которому должно было меня выслушать, то кончилось тѣмъ, что было прекращено засѣданіе. Не слушали также и профессора Рейта, когда онъ актами факультета думалъ доказать несправедливость донесенія профессора Дегурова. Въ послѣднемъ засѣданіи 17 января я снова покушался обратиться къ тѣмъ, которые дѣйствовали противозаконно и снова подаль прошеніе, прилагаемое подъ № IV, и снова сослался на уставъ, 55-мъ параграфомъ коего предписано: „если кто противнаго мнѣнія, тотъ можетъ письменно объяснить его за своею подписью. Мнѣніе это внесется въ журналъ, и за силою сего, тотъ уже не будетъ подлежать отвѣтственности въ общемъ опредѣленіи“. Но никоимъ образомъ не могъ я успѣть въ томъ, чтобы письменное мнѣніе мое было внесено въ протоколъ. Я просилъ наконецъ, чтобы по крайней мѣрѣ внесли въ протоколъ тотъ фактъ, что 12 января прекращено было засѣданіе единственно потому, что не хотѣли меня выслушать. Но вопреки этому положили ни о чемъ этомъ не упоминать. Видя, такимъ образомъ, что профессоръ Дегуровъ успѣлъ большую часть профессоровъ склонить къ противозаконному дѣйствію, чтобы только съ своей стороны успѣть въ ложномъ и несправедливомъ доносѣ, послалъ я 9 февраля приложенную здѣсь подъ № V бумагу въ совѣтъ, въ которой изъяснялъ, что до тѣхъ поръ не могу присутствовать въ совѣтѣ, пока не будутъ выполнены постановленія, съ намѣреніемъ нарушенныя, ибо когда при такихъ обстоятельствахъ мнѣ не позволено внести въ журналъ своего мнѣнія, то опасаясь, чтобы при изслѣдованіи этого противозаконнаго дѣйствія не подпасть вмѣстѣ съ виновными подъ отвѣтственность, такъ какъ тогда не въ состояніи буду доказать справедливости своего дѣла. По этимъ причинамъ вынужденъ всепокорнѣйше просить ваше сіятельство объ увольненіи меня временно отъ присутствія въ совѣтѣ, пока не возстановится прежній порядокъ и не будетъ болѣе опасности подлежать отвѣтственности въ чужихъ дѣлахъ.

Весь доносъ профессора Дегурова противъ тѣхъ двухъ молодыхъ людей, которыхъ этико-политическій факультетъ призналъ достойными докторскаго званія, столь же неоснователенъ, сколько и несправедливъ. Онъ обвиняетъ Петра Ковалевскаго, будто-бы тотъ свою диссертацию „*De libertate mentis humanae*“ списалъ съ моей. Но что обвиненіе это совершенно ложно, явствуетъ изъ предисловія моей диссертации и изъ самихъ актовъ факультета. Петръ Ковалевскій подаль мнѣ 12 октября 1815 г. свою диссертацию для пересмотра. Я нашелъ, что тема ея обра-

ботана столь хорошо, что мнѣ въ этомъ отношеніи не оставалось сдѣлать никакой перемѣны, а только измѣнить слогъ; такъ какъ диссертация была сочинена на латинскомъ языкѣ и должна была появиться въ печати, то сдѣланы были мною нужныя поправки, ибо наблюденіе за правильностью языка не относится къ цензурному комитету. Послѣ этого П. Ковалевскій представилъ свою диссертацию декану факультета, который сообщилъ ее 15-го октября другимъ членамъ факультета, коими она и была одобрена. Но какъ тема эта—о *свободѣ воли человѣческой*,—чрезвычайно важна и еще не однимъ философомъ, кажется, не была обработана такъ, чтобы не подлежала болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, то предложилъ я письменно совѣту сочиненную Ковалевскимъ диссертацию и факультетомъ одобренную далѣе распространить и пояснить со всѣхъ сторонъ. Принятіе столь общепользнаго труда было мнѣ не только позволено факультетомъ, но еще и съ похвалою принято. Изъ всѣхъ этихъ дѣлъ, которыя находятся въ протоколахъ факультета, равно какъ и изъ самаго предисловія диссертации, явствуетъ, что весь доносъ профессора Дегурова ложенъ, несправедливъ и, слѣдовательно, неоснователенъ.

Что же касается до диссертации Гриневича, то хотя онъ и многое заимствовалъ изъ моихъ манускриптовъ, продиктованныхъ мною въ теченіе шести лѣтъ студентамъ, однако много также присовокупилъ и изъ собственныхъ своихъ идей и познаній, особенно что касается до разрѣшенія главнаго предложенія. Студенты философіи не имѣютъ другихъ источниковъ и пособій, кромѣ моихъ манускриптовъ и моихъ книгъ. Нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они составляли собственные системы; довольно, если они искуснымъ образомъ успѣютъ пользоваться моими манускриптами и книгами и защищать публично съ похвалою основанія моей философіи. Въ нѣмецкихъ университетахъ диссертации пишутся большею частью самими профессорами, а отъ студентовъ требуется только, чтобы они умѣли ихъ на публичныхъ диспутахъ надлежащимъ образомъ защищать, слѣдовательно, доносъ профессора Дегурова и противъ г. Гриневича неоснователенъ, ложенъ и вовсе несправедливъ. Впрочемъ Гриневичъ одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, какого мы когда либо въ университетѣ имѣли, и онъ можетъ съ честью выдерживать экзаменъ на докторское званіе во всякомъ университетѣ.

Въ заключеніе пріемлю смѣлость представить вашему сіятельству рѣчь, которую я сказалъ 25 декабря минувшаго года, съ полнымъ одобреніемъ всѣхъ ученыхъ и благомыслящихъ людей, но за которую профессоръ Делявинъ оскорбилъ меня при всемъ открытомъ собраніи и которую ректоръ, не смотря на просьбу мою, не хотѣлъ позволить

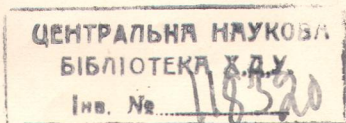
напечатать иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я выкинулъ мѣста, въ которыхъ говорю о французахъ.

Эта самая рѣчь была одобрена цѣлымъ факультетомъ, слѣдовательно, въ силу устава, не подлежала уже дальнѣйшей цензурѣ. При этомъ имѣю честь представить два экземпляра ея—одинъ, подписанный членами факультета и мною читанный въ собраніи, другой, гдѣ я ту же самую тему распространилъ далѣе, и наконецъ русскій переводъ ея. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить удостоить рѣчь эту собственнымъ вашего сіятельства изслѣдованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ее на разсмотрѣніе другимъ. А такъ какъ рѣчь эта заключаетъ въ себѣ разсужденіе о религіи, то можетъ быть не худо было бы представить ее на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Преисполненъ будучи надежды на правосудіе вашего сіятельства, ожидаю отвѣта на вопросы, мною указанные. Я уже предувѣренъ, что ваше сіятельство ни подъ какимъ видомъ не одобрите безпорядковъ, произведенныхъ въ университетѣ профессоромъ Дегуровымъ“.

Какъ отнестись къ этимъ объясненіямъ Ковалевскаго и Шада? Подрываютъ ли они сущность заключеній комиссіи?

Формальныя возраженія проф. Шада противъ законности дѣйствій комиссіи не имѣютъ значенія, тѣмъ болѣе что они опровергаются подлинными протоколами совѣта. Пересмотрѣвъ ихъ, мы убѣдились, что законное полномочіе на слѣженіе диссертации Ковалевскаго съ книгою проф. Шада комиссія получила въ засѣданіи совѣта 5 января 1816 года, причемъ въ засѣданіи этомъ присутствовалъ и проф. Шадъ, скрѣпившій своею подписью протоколъ. Но заслуживаютъ вниманія тѣ разъясненія Шада, которыя касаются существа дѣла, и въ особенности его свидѣтельство, что онъ переработалъ диссертацию Ковалевскаго съ научными цѣлями съ одобренія факультета; интересно также его признаніе, что Гриневичъ дѣйствительно широко воспользовался его лекціями, но что не только русскіе, а и заграничные студенты обыкновенно писали свои диссертации при непосредственной помощи и содѣйствіи профессоровъ. Если принять эти объясненія, то они устраняютъ, быть можетъ, дурные или своекорыстные мотивы въ этомъ дѣлѣ Шада, хотя возможность этихъ послѣднихъ зиждется еще и на другихъ аналогичныхъ фактахъ, приведенныхъ нами въ 1-мъ томѣ „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ (587—589 стр.). Но необходимо также принять во вниманіе при этихъ обвиненіяхъ, что противъ Шада давно уже существовала страшная ненависть со стороны многихъ членовъ совѣта и въ особенности со стороны профессоровъ французскаго происхожденія—Дегурова, Делявина, Паки-де-Савиньи за его рыаное галлофобство; при-

помнимъ также его ожесточенную борьбу со Стойковичемъ и всевозможные подкобы противъ него этого послѣдняго въ дѣлѣ докторской промоціи Хлапонины. Атмосфера всего совѣта была до такой степени насыщена враждою и ненавистью, что на этой почвѣ должны были зарождаться обвиненія, подобныя разбираемому нынѣ.

IV.

Обвиненія, направленные противъ сочиненій Шада

„*De viris illustribus urbis Romae*“ и „*Institutiones*“.

Мы видѣли уже, что проф. Шаду пришлось защищать въ совѣтѣ не только диссертациі учениковъ, но и свои собственные труды. Остановимся теперь подробнѣе на ходѣ этого дѣла, пользуясь подлинными совѣтскими протоколами.

Въ засѣданіи 5-го января 1816 г. былъ заслушанъ отзывъ цензурнаго комитета о книгѣ Шада „*De viris illustribus urbis Romae*“. Вотъ подлинный текстъ его, сохранившійся въ „дѣлѣ о Шадѣ“. 22 ноября 1815 г. деканъ правленія и членъ цензурнаго комитета профессоръ Дегуровъ запросилъ, было ли представлено въ цензурный комитетъ профессоромъ Шадомъ предисловіе и посвященіе къ изданной по порученію совѣта классной книгѣ подъ названіемъ: „*De viris illustribus Romae*“; и такъ какъ по справкѣ въ этомъ комитетѣ оказалось, что они туда не были представлены, то онъ объявилъ, что протестуетъ противъ выпуска этой книги.

Ноября же 29 этотъ профессоръ въ присутствіи цензурнаго комитета заявилъ, что прочитавши изданное профессоромъ Шадомъ сочиненіе Ломона подъ названіемъ: „*De viris illustribus Romae*“ (о знаменитыхъ мужахъ Рима) онъ нашелъ 1) что предисловіе къ нему представляетъ много такихъ мѣстъ, кои, по его мнѣнію, не могутъ быть напечатаны съ одобренія университета и что оно содержитъ притомъ обидное замѣчаніе на счетъ сочинителя, который родился въ 1718 году, умеръ въ 1794 г. и издалъ это небольшое собраніе исторій назадъ тому 40 лѣтъ, а потому и не могъ никакъ имѣть намѣренія хвалить военную систему Наполеона.

2) что между прибавленіями, сдѣланными профессоромъ Шадомъ, есть такія, кои никакъ не могутъ имѣть мѣста въ книгѣ, предназначенной для юношества. Такъ, напримѣръ, Ломонъ говоритъ: *Rea Silvia Remum et Romulum uno partu edidit*. Профессоръ Шадъ прибавляетъ: *complexu Martis*, и въ примѣчаніи на это мѣсто возвращается къ тому

же понятію: *fabula conficta est Martem amplexu suo eam Romuli et Remi matrem efficisse.*

На ту же статью есть еще третье замѣчаніе, въ которомъ говорится: *Acca Laurentia propter quaestum corporis a vicinis Lupa appellata est unde ad nostram usque aetatem meretricum celullae lupanaria vocantur.*

Ломонъ рассказываетъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію Лукреціи: *Sextus Lucretiae vim intulit.* Профессоръ Шадъ, написавши эти слова Ломона, прибавляетъ: *res autem ita contigit;* за симъ слѣдуетъ повѣствованіе Тита Ливія, въ которомъ находится слѣдующее выраженіе: *vestigia viri alieni, Collatine, in lecto sunt tuo.*

Въ статьѣ о Виргиніи, которая у Ломона не заключаетъ въ себѣ двухъ маленькихъ страницъ, профессоръ Шадъ привелъ отъ 9 до 10 большихъ страницъ изъ Тита Ливія, гдѣ между прочими выраженіями, кои трудно объяснить дѣтямъ, находятся слѣдующія слова: *non ad stuprum educavi filiam, placet ne pecudum ferarumque ritu in coitum ruere;* на страницѣ 91 находится политическое замѣчаніе, состоящее въ слѣдующемъ: кто въ этомъ мѣстѣ не вообразитъ себѣ Наполеона и народъ французскій? Въ нашемъ вѣкѣ величайшее вѣроломство сураведливо можетъ назваться вѣроломствомъ французскимъ.

3) Къ этому профессоръ Дегуровъ присовокупилъ, что цѣль, съ которою онъ предложилъ словесному отдѣленію напечатать небольшую книжку Ломона, невыполнена. Онъ хотѣлъ доставить для четвертаго класса гимназіи собраніе исторій, приличное возрасту дѣтей, его посѣщающихъ, съ тѣмъ чтобы можно было продавать эту книжку по 40 или 30 к.; но маленькая Ломонова книжка въ 24 долю листа, не заключающая въ себѣ можетъ быть 5-ти печатныхъ листовъ, оказывается превращенною въ книгу, въ которой 18 листовъ; причина же этого заключается: а) въ прибавленіи многихъ мѣстъ изъ Тита Ливія отъ 1 до 10 страницъ, съ цѣлью растянуть повѣствованія Ломона; б) въ прибавленіи 7 страницъ, взятыхъ изъ Саллюстія и помѣщенныхъ въ жизнеописаніи Цицерона и въ другихъ прибавкахъ того же рода; с) наконецъ въ бесполезномъ умножающемъ только цѣну книги прибавленіи біографіи Аттики изъ Корнелія Непота, занимающей 20 страницъ и въ прошломъ году напечатанной уже университетомъ въ Корнеліи Непотѣ.

4) Сверхъ того профессоръ Дегуровъ предложилъ: а) рѣшить, должно ли имя Ломона находиться въ заглавіи книги; б) прилично ли, чтобы книга, напечатанная по опредѣленію университетскаго совѣта и по общему одобренію, была посвящена министру народнаго просвѣщенія только отъ имени того лица, которому было поручено наблюденіе надъ изданіемъ ея?

Цензурный комитетъ нашелъ замѣчанія профессора Дегурова справедливыми; но такъ какъ назначеніе книгъ для употребленія въ подвѣдомственныхъ университету училищахъ зависитъ отъ совѣта, то обо всемъ этомъ рѣшено представить этому послѣднему. Совѣтъ постановилъ сообщить эти замѣчанія проф. Шаду.

Въ засѣданіи 5 апрѣля 1816 г. въ совѣтъ была сообщена бумага министра народнаго просвѣщенія, въ которой было подвергнуто разбору съ цензурной точки зрѣнія другое сочиненіе Шада „*Institutiones juris naturae*“. Бумага эта 15-го марта отправлена была попечителю, а этимъ послѣднимъ сообщена совѣту. Вотъ ея подлинный текстъ. „Профессоромъ Харьковскаго университета Шадомъ для употребленія учащимися издана книга подъ заглавіемъ „*Institutiones juris naturae*“. Книга эта по слогу своему уже неудобна къ употребленію какъ учебная книга для русскаго юношества. Учебныя книги, коими руководствуются въ дѣлѣ преподаванія, должны быть сколь возможно просты, кратки и ясны; упомянутое же сочиненіе слишкомъ пространно и во многихъ мѣстахъ весьма не ясно. Въ немъ помѣщены разныя постороннія разсужденія, совсѣмъ не входяція въ составъ такой учебной книги, какъ то—длиныя объясненія предложенной авторомъ системы и опроверженіе возраженій противниковъ (напр. § 18—21, § 31 и слѣд. § 71 и мн. др.); часто повторяемые намеки на новѣйшія политическія происшествія и на извѣстныя лица (напр. стр. 36, 170 и сильное нападеніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ на стр. 218—232); длинныя отрывки не только изъ древнихъ, но и изъ новѣйшихъ авторовъ (стр. 27, 232 и слѣд., стр. 221 и слѣд. 280) и даже изъ поэтовъ (стр. 160, 161). Сверхъ того находится въ этой книгѣ довольно отвлеченныхъ темныхъ мыслей и объясненій (напр. § 2, 18, стр. 68, 69 и 83, разсматриваніе права и наказанія по категоріямъ § 22, стр. 101, 131—мѣста неудобопонятныя для нашего юношества). Авторъ придерживается новѣйшей въ Германіи возникшей философіи и въ особенности послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ правилахъ системѣ Шеллинга; а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россіи и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ руссіянъ. Кромѣ того находится разныя мѣста, въ которыхъ авторъ разсуждаетъ не съ вѣдлежащею осторожностью и выражаетъ мысли свои не съ тою скромностью, которая нужна въ учебной книгѣ. Въ его сочиненіи приводятся мѣста совсѣмъ не сообразныя съ коренными въ нашемъ государствѣ понятіями: о государственной власти (стр. 175 и 345), о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами (167, 168) и весьма неприличныя упреки существующихъ въ Россіи учреждений

(стр. 183, 302). Объясненіе правилъ о супружескомъ союзѣ (283 и слѣд.) по справедливости можетъ быть сочтено противнымъ правамъ. Хотя правила автора и могли бы быть оправдываемы, какъ сами по себѣ не противныя добродѣтели, но въ томъ видѣ, какъ имъ изложены, они не приличны въ писанномъ для юношества сочиненіи (institutiones). Они могутъ подавать поводъ къ соблазнамъ и даже къ порчѣ нравовъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ покорно прошу ваше сіятельство, по разсмотрѣніи этой книги, предписать Харьковскому университету, чтобы она не была употребляема въ дѣлѣ преподаванія; на будущее же время подтвердить, чтобы всѣ книги, назначаемыя для преподаванія до напечатанія разсматриваемы были совѣтомъ либо составленной нарочно для этого особой комиссіей, ибо одной цензуры для такихъ книгъ не достаточно“. Совѣтъ постановилъ объ изложенномъ довести до свѣдѣнія училищнаго комитета и проф. Шада (послѣдняго не было въ засѣданіи).

Итакъ, проф. Дегуровъ открыто выступилъ противъ сочиненія Шада „De viris illustribus“ и призналъ его неподходящимъ и соблазнительнымъ для русскаго юношества—цензурный комитетъ только согласился съ его мнѣніемъ. Не мѣшаетъ вспомнить при этомъ однако, что онъ самъ первоначально хотѣлъ издать это сочиненіе Ломона и былъ сильно раздраженъ на Шада, который сталъ ему поперегъ дороги въ этомъ предпріятіи. Изданіе Шада вышло гораздо полнѣе оригинала и эту полноту Дегуровъ и поставилъ ему въ вину. Но особенно Дегуровъ былъ, очевидно, возмущенъ рѣзкими выходками Шада противъ французовъ въ предисловіи къ этой книгѣ и въ актовой рѣчи. При такомъ возбужденіи арена совѣтскаго зала дѣлалась уже тѣсной и противники перенесли дѣло далеко за ея предѣлы—въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія.

Мы видѣли, что министръ народнаго просвѣщенія прислалъ почителю бумагу, въ которой отмѣчены были неудобныя и вредныя сужденія Шада, разсѣяныя въ его книгѣ о естественномъ правѣ. Между тѣмъ книга эта вышла въ свѣтъ уже раньше, съ разрѣшенія университетской цензуры. Очевидно, *кто то* сдѣлалъ указаніе министерству на эту книгу. И дѣйствительно, въ „дѣлѣ о Шадѣ“ мы нашли особую бумагу, присланную въ Петербургъ *изъ Харькова* и скрѣпленную подписью секретаря совѣта проф. Каменскаго—и она буквально содержитъ въ себѣ все то, что отмѣтилъ министръ въ книгѣ Шада о естественномъ правѣ; она послужила единственнымъ источникомъ для осужденія сочиненія Шада. Слѣдуетъ въ интересахъ истины прибавить, что въ ней нѣтъ упоминанія о Дегуровѣ, и мы можемъ только подозрѣвать его въ сочиненіи этого документа, основываясь на томъ, что онъ велъ

и явную, и тайную борьбу съ Шадомъ и обвинялъ его въ неблагонамѣренности за другія сочиненія. Но вѣроятно, что составителемъ этого обвинения было другое лицо, быть можетъ и тотъ самый проф. Каменскій, именемъ котораго подписанъ документъ; трудно предположить, чтобы онъ только переслалъ его къ министру въ качествѣ секретари совѣта—въ такомъ случаѣ мы бы нашли указанія на него въ дѣлопроизводствѣ этого послѣдняго—а ихъ не оказывается; значитъ едва ли онъ былъ тутъ передаточной инстанціей; наконецъ, и самый характеръ доноса скорѣе обличаетъ въ немъ русскаго человѣка, чѣмъ иностранца, которому трудно было сдѣлать точныя указанія на несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ проф. Шада съ коренными русскими понятіями о государственной власти, о религіи, о существующихъ учрежденіяхъ. Правда проф. Каменскій не былъ юристъ, а медикъ, но мы знаемъ изъ отзыва Роммеля, что это былъ тонкій дѣлецъ, причинявшій не мало хлопотъ профессорамъ иностранцамъ своими рапортами въ Петербургъ. Наконецъ, фактическій матеріалъ для своего обвинения онъ могъ получить и отъ кого либо другого. Впрочемъ, мы нисколько не настаиваемъ на своей мысли и смотримъ на нее только какъ на одну изъ возможныхъ въ этомъ дѣлѣ догадокъ. Тайные доносы на Шада во всякомъ случаѣ были пущены въ ходъ и два такіе доноса въ подлинникахъ найдены мною въ „дѣлѣ Шада“; авторомъ ихъ былъ проф. Дегуровъ.

V.

Доносы проф. Дегурова.

Проф. Дегуровъ не ограничился публичными обвиненіями противъ Шада въ совѣтѣ, гдѣ онъ во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ на законной почвѣ, и рѣшился сдѣлать тайный доносъ на своего противника министру, и это былъ уже предосудительный поступокъ съ его стороны, ибо въ самомъ дѣлѣ—что можетъ быть отвратительнѣе доноса?

Подлинный текстъ обоихъ доносовъ проф. Дегурова на Шада, адресованныхъ директору департамента министерства народнаго просвѣщенія сохранился въ „дѣлѣ о Шадѣ“.

Первый касается докторскихъ промоцій Гриневича и Ковалевскаго и отмѣчаетъ вредныя мысли въ тезисахъ диссертациі Гриневича и влияние на него идей Шеллинга. Вотъ его подлинный текстъ. „Je crois devoir rendre compte à votre Excellence de ce que j'ai fait dans le dernier *Senat academique*.

La faculté politico-morale a promu au grade de docteur le candidat Elias Grinévitche et l'a proposé à la confirmation du Senat.

J'ai protesté contre cette promotion, attendu que la *dissertation inaugurale* publiée par Grinevitch, comme son propre ouvrage, dédiée par lui à M. Viazmitinoff et approuvé par la faculté, à ce que je crois, n'est absolument que l'ouvrage du prof. Schad lui même. Celuici l'a dictée il y a 4 ou 5 ans à ses auditeurs: elle se trouve mot pour mot dans leurs cahiers; et j'ai remis au Sénat deux de ces cahiers qui font foi de ce que j'avance. Le Sénat académique a nommé quatre membres pour vérifier le fait.

La commission rassemblée, je lui ai remis une autre dissertation inaugurale. C'est celle du *magister Kovalevsky* promu aussi au grade de docteur à aussi bon marché que le candidat Grinevitch.

Votre Excellence se douterait elle que pour être docteur en philosophie, il suffit d'un examen sur la philosophie par M. Schad, sur la *langue russe* par le professeur, qui l'enseigne, et sur la langue latine encore par M. Schad? Et cette dernière même ne doit pas être comptée, parcequ'en général la connaissance qu'on en acquiert... est peu de chose et que d'ailleurs d'après les statuts on peut même en dispenser. Lorsqu'on a exclu les sciences physiques et mathématiques et les sciences historiques du nombre de celles qui sont nécessaires pour parvenir au grade de docteur en philosophie, je n'ai pu que protester contre un pareil arrangement. J'espère que les abus criants, qui en sont résultés, cesseront bientôt par l'adoption du plan que le ministre de l'instruction publique a proposé, il y a six mois, pour les promotions aux grades académiques.

Mais il ne suffit pas au M. Schad de faire des examens *pro forma*, comme votre Excellence peut en juger elle même, de composer les dissertations des docteurs ou de leur donner à copier des cahiers qui sont depuis plusieurs années entre les mains de nos étudiants... je m'arrête; je ne veux rien écrire en particulier à votre Excellence que je n'ai dit en public. Je vous prie seulement, monsieur, de jeter les yeux sur les thèses imprimées que je joins à cette lettre et qui suivent la dissertation du candidat Grinevitch. La 6 contient une définition de la matière. Plusieurs autres présentent d'étranges idées en physique. Mais ma faible raison se prosterne devant *Schelling*. Cependant j'oserais croire que ce n'est pas là l'enseignement qui convient à la Russie. Votre Excellence au reste est meilleur juge que moi à cet égard: je ne fais que lui proposer mes doutes. Mais une thèse sur la quelle je n'hésiterai pas de passer condamnation c'est la 18—*Finis absolutus omnis matrimonii non est procreatio sobolis, sed amor*. De pareils principes sont subversifs et de la religion et de la loi civile. Si celui ci n'eut pas été imprimé, il m'aurait été inconnu. On ne l'aurait pas attendu de quelqu'un qui cite S. Paul et la Bible. Je suis avec respect. Degouroff. Karkoff. 3 janvier 1816".

Дегурову хорошо было извѣстно, что министр гр. Разумовскій относится неодобрительно къ Шеллинговой философіи. Еще въ 1814 г., по поводу представленія ученика Шада Дудровича въ адъюнкты онъ писалъ въ совѣтъ: „до свѣдѣнія моего дошло, что Шадъ рекомендовалъ Дудровича, какъ свѣдующаго въ системахъ Канта, Фихте и Шеллинга. А такъ какъ съ видами министерства народнаго просвѣщенія не согласно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга, то предлагаю университету безпристрастно донести, какой системы философическихъ наукъ придерживается профессоръ Шадъ равно и Дудровичъ, и одобряетъ ли ее университетъ“. Шадъ по этому поводу обратился въ совѣтъ съ заявленіемъ такого содержанія: „я такъ далекъ отъ намѣренія просить вашей снисходительности и благоволенія, что скорѣе готовъ призвать на себя вашу строжайшую правду и любовь къ истинѣ, которыя нельзя было бы поколебать никакимъ предубѣжденіемъ и никакимъ пристрастіемъ. Дѣло, порученное вамъ министромъ, святое дѣло, а потому и должно быть разсмотрѣно свято, справедливо и свободно“. О философской системѣ Шада, послѣ долгаго сужденія, совѣтъ высказался такъ: „онъ не усматриваетъ противорѣчій философіи проф. Шада съ цѣлями общественнаго образованія“ ¹⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что противниковъ философской системы Шада въ совѣтѣ было не мало; самый сильный изъ нихъ, ректоръ Осиповскій не считалъ нужнымъ имѣть по кафедрѣ философіи кромѣ профессора еще адъюнкта и предлагалъ ограничить преподаваніе по этому предмету только логикой, опытной психологіей и этикой; къ нему присоединились Каменскій и Шумлянскій. Такимъ образомъ, хотя философское направленіе Шада не встрѣтило прямого осужденія въ совѣтѣ, но это объясняется, очевидно, тѣмъ, что члены его исповѣдывали принципъ свободы научнаго изслѣдованія и во имя его поддерживали своего коллегу; отсюда видно, что Дегуровъ хорошо рассчиталъ свой походъ противъ Шада: онъ могъ найти и дѣйствительно нашелъ поддержку и въ министерствѣ, и на мѣстѣ въ Харьковѣ.

Другой доносъ Дегурова касался философскихъ воззрѣній Шада и отчасти его личности. Это, такъ сказать, опытъ обличительной біографіи Шада, составленный на основаніи двухъ его неблагонамѣренныхъ сочиненій—автобіографіи и „Жизни отца Синцера“; послѣдній трудъ представлялъ изъ себя сатиру на монашество. Дегуровъ устанавливаетъ принадлежность этого сочиненія Шаду (оно вышло безъ имени автора) и дѣлаетъ изъ него компрометирующія его выдержки, а въ заклю-

¹⁾ Чтенія Моск. Общ. 1873, кн. 2-я, статья Н. А. Лавровскаго, стр. 44.

ченіе прилагаетъ и самыя инкриминируемыя книги. Вотъ подлинный текстъ второго доношенія Дегурова. M. Schad est né en 1758. C'est le fils d'un pauvre paysan. Il fut reçu dans l'abbaye de Banz à l'âge de 9 ans comme écolier et enfant de choeur. A 14 ans les moines l'envoyèrent à Bomberg pour y faire ses humanités. On le reçut novice en 1778; en 1779 il fit ses vœux. Il a été 15 ans confesseur (voyez p.182 de sa vie). En 1798 il publia un livre intitulé „Pater Sincerus“, mais il se garda bien d'y mettre son nom. Une partie n'est remplie que de mauvais raisonnemens et de diatribes contre la religion et les moines, l'autre de faits indécentés racontés dans les termes les plus grossiers. M. Schad s'avoue pour être l'auteur de ce livre dans sa vie qu'il a publiée et il lui a même consacré (v. page 379 et suivantes) un chapitre entier. Il dit qu'il avait composé cet ouvrage *pour dévoiler les horreurs du célibat monachal et que l'expérience du confessional l'avait mis à même de connaître les consciences des moines à ce sujet... Le célibat forcé, dit il, doit être un abîme de crimes... Le confessional découvra cet abîme.* Il n'a publié que le 1 volume. La Sainte Inquisition, dit il, se mit à rechercher quel était l'auteur de *Sincerus*... On le soupçonna fortement et on se disposait en conséquence à le conduire et à l'informer à Bamberg... *Comme prédicateur, dit-il, j'étais aimé du peuple... mais dans cet ouvrage j'étais plus qu'hérétique, car j'avouais que je ne professais d'autre religion que celle de la raison et que je ne reconnaissais le Christianisme qu'autant que sa tendance était vers cette religion.* Craignant le sort, qu'il attendait, M. Schad s'échappa de son couvent au milieu de la nuit en 1798. A Erfurt il publia en 1809 sa vie, dans la quelle on trouvent les faits ci dessus et beaucoup d'autres qui avaient dû certainement l'empêcher d'être employé dans l'instruction publique. Beaucoup de particularité de la vie de m. Schad sont aussi dans *Sincerus*. Ces deux ouvrages sont joints à cette note. Degouroff“. Здѣсь, какъ мы видимъ, Дегуровъ прямо обвиняетъ Шада въ раціонализмъ, выходкахъ противъ христіанской религіи и морали и прибавляетъ, что по этой именно причинѣ онъ не могъ быть допущенъ къ публичному преподаванію. Эти обвиненія должны были оказать рѣшительное вліяніе на судьбу Шада: министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, ярый піэтистъ, не могъ простить Шаду его выходокъ противъ христіанства и монашества, его призыва къ раціонализму. Нѣсколько времени спустя эти сочиненія, какъ corpus delicti, были переданы на разсмотрѣніе неизвѣстному намъ лицу, которое подверло ихъ довольно внимательному разбору и пришло къ неблагопріятнымъ для Шада заключеніямъ. Судьба Шада рѣшена была безповоротно. Всѣ его оправдательныя записки касались „Institutiones“ и „De viris illustribus urbis

Romae“, а министр составилъ себѣ заключеніе о его воззрѣніяхъ по его автобіографіи и „Жизни отца Синцера“. Шадъ же вовсе не зналъ этого обстоятельства и продолжалъ стучаться въ дверь, которая закрывалась передъ нимъ навсегда. Въ своемъ сочиненіи о естественномъ правѣ онъ дѣйствительно проповѣдывалъ христіанскую философію, но въ названныхъ выше трудахъ стоялъ на раціоналистической почвѣ. „Вся автобіографія Шада, говоритъ проф. Ѳ. А. Зеленогорскій, проникнута духомъ борьбы противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи... Въ своей автобіографіи онъ раскрываетъ передъ нами, какъ въ немъ постепенно совершался поворотъ отъ слѣпой вѣры и безусловнаго подчиненія авторитету, положенныхъ въ основаніи іезуитскаго и монашескаго воспитанія, къ свободѣ совѣсти и разума“¹⁾. Вотъ подлинный текстъ рецензіи на эти книги Шада, написанный анонимомъ по распоряженію кн. А. Н. Голицына. „Parmi le grand nombre d'ouvrages irreligieux et licencieux, qui ont paru sur la fin du siècle passé il y a certainement peu, où l'on eut poussé l'audace et l'indécence jusqu'à un tel point que dans l'ouvrage suivant, dont l'auteur a cependant eu la sagesse de ne publier que le premier volume.

„Leben und Schicksale des uhnwürdigen Vaters Sincerus“—le livre d'environ 500 pages renferme 1) un long traité, écrit avec une logique dangereuse et une éloquence séduisante, où l'auteur refute formellement les saintes et éternelles vérités du vrai christianisme, prêche le déisme et ose déclarer *absurde* toute idée d'une révélation Divine; 2) la prétendue histoire d'un moine; récit tendant à dévoiler les abus, qui règnent dans les couvents, mais rempli d'extravagances, de saletés sans pareilles et de diatribes contre la religion chrétienne. Les idées et principes que l'auteur développe dans la première partie de son livre se réduisent à ce qui suit. „La raison étant, pour ainsi dire, le tribunal suprême dans l'homme ne reconnait rien au dessus d'elle: or n'admettant rien de surnaturel, elle rejette par conséquent aussi toutes les prétendues révélation, qui n'ont leur source que dans l'imagination des hommes. La seule vraie religion est seule de la raison et le christianisme tout pur, tel que le grand Sage de Nazareth l'a enseigné, en découle comme tout ce qui est vrai, bon et salutaire. L'auteur admet, comme conforme, à la raison, l'immortalité de l'âme et la croyance en un Dieu créateur et conservateur de tout: il révere Jésus Christ comme homme extraordinaire, bienfaiteur de l'humanité et envoyé de Dieu pour enseigner les hommes; mais

¹⁾ Ив. Е. Шадъ. Проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. (Зап. Харьк. унив., 1896, 2-я кн., стр. 50).

il se moque en même tems de l'absurdité de l'idée d'une sainte Trinité, de l'incarnation de Dieu et des mystères du saint Sacrement. Le livre fourmille de passages où ces dogmes sont blasphémés d'une manière révoltante. „Ceux qui défendent l'ancienne croyance et entendent encore la voix du bon Pasteur, sont, selon l'auteur, ou des *faibles*, qui méritent de la pitié, ou de vils *trompeurs*, qu'il faut exterminer de la société humaine. Aux faibles, qui ne doivent être nourris que de loit, il faut un culte extérieur, le catholicisme est leur religion. Le protestantisme est pour ceux qui peuvent déjà supporter un peu plus de lumière; et le règne de la raison pour ceux qui ont pu surmonter tous les préjugés et briser les chaînes de toute sorte de superstition, bonheur, dont ne se réjouissent que fort peu d'hommes, mais terme où aboutiront enfin et le catholicisme et le protestantisme. Cette idée aussi téméraire que chimérique occupe beaucoup l'auteur et il est inépuisable dans des tableaux attirans, lorsqu'il en parle. „Ce sera le grand jour de la paix, de l'amour du prochain, d'une harmonie parfaite de l'unité et de la fraternité des peuples comme des individus!“ L'auteur reconnaît cependant le bien qu'a produit chaque confession: „le catholicisme, dit-il, était nécessaire et salutaire au monde dans les tems de la barbarie du moyen âge; le protestantisme est l'escalier par le quel les hommes montent aux régions de la vraie lumière, c'est à dire de celle de la raison, à la lueur de laquelle les peuples marcheront dorenavant“. Il avoue, qu'il faut encore prêcher au peuple d'après l'ancienne doctrine, quand même les prédicateurs eux mêmes ne sont plus de cette croyance, ce qu'il a fait pendant une dizaine d'années où il a su voiler ses vrais principes à ceux qui n'étaient pas capables de le comprendre; en se faisant bien entendre par tous ceux, qui voyent un peu plus loin. Il dit de plus que c'est envain que les gouvernemens et les princes méconduits par des conseillers bigots et adonnés aux anciennes erreurs, tâchent encore de soutenir l'ancienne foi: les tems de la lumière de la raison sont arrivés et les savans, les hommes raisonnables ne se laissent plus donner des loix en matière de religion par qui que le soit. Tot ou tard tout s'inclinera devant la raison et l'auteur a l'espérance que le beau jour du culte de la raison n'est plus très loin. Ce qui fait son livre encore plus dangereux, c'est l'assurance avec la quelle l'auteur parle. Il cherche à convaincre les lecteurs qu'après avoir erré, comme il dit, dans tous les dédales d'une foi chimérique, son âme n'a trouvé de repos et d'équilibre qu'en marchant le chemin de la lumière de la raison. Il ne discontinue pas de se réjouir de la victoire que sa raison a remportée sur les prétendus préjugés de la foi, qu'on lui avait inspirés dans son enfance et qui l'avaient obligé de choisir la vie mona-

chale: il rend grâce à la Divine Providence, qui lui a fait „combattre le bon combat“.

L'autre partie de ce livre est vouée à la biographie de l'auteur. Sans entrer dans le détail de ces 300 pages d'une indécence et saleté inexprimable, il suffit de dire, que la conception immaculée de la sainte vierge et d'autres faits de l'histoire sacrée y sont surtout scandalisés. Les moines sont, d'après l'auteur, les êtres les plus indignes, les plus inutiles et les plus détestables du monde.

Quoi qu'au commencement l'auteur de cette infâme production ait gardé l'anonyme, il s'est découvert lui même quelques années plus tard, en 1803, dans un autre ouvrage intitulé, *Schad's, doctors der philosophie zu Jena... Leben und Klostergeschichte von ihm selbst beschrieben... Erfurt, 1803* — livre dans le quel *M. Schad* s'avoue formellement dans un chapitre entier qu'il a consacré à ce sujet pour être l'auteur de la vie et des aventures du père Sincerus. La biographie de *M. Shad*, écrite par lui même, a au reste beaucoup de rapport avec le Sincerus: on y trouve les mêmes idées sur la religion chrétienne, les mêmes diatribes contre toute révélation Divine, souvent les mêmes expressions, les mêmes saletés, les mêmes extravagances. *M. Schad*, connu par quantité d'ouvrages philosophiques d'après le système de *M. Fichte*, est né en 1758, dans une belle vallée de la Franconie. Fils d'un pauvre paysan chargé d'une nombreuse famille, son père le plaça à l'âge de neuf ans dans l'abbaye de Banz, où il resta jusqu'à sa 14 année comme enfant de chœur. Alors les moines l'envoyèrent à Bamberg pour y faire ses humanités. En 1778 il fut reçu novice et en 1779 il fit ses vœux. Mais bientôt la vie monachale lui déplut et au bout de quelques années il ne fut plus moine que de nom. Des querelles continuelles avec les supérieurs désignent son séjour à Banz et malgré cela il ya été 15 ans confesseur. Enfin le Sincerus ayant paru 1798, on soupçonnait fortement qu'il en était l'auteur et on se disposait déjà à le conduire et à l'enfermer à Bamberg, lorsqu'il échappa de son couvent au milieu de la nuit en Septembre 1798 pour n'y retourner jamais. Il se rendit à Jena, s'y maria et y a demeuré depuis sous la protection du Grand-Duc de Weimar qui ne fait point d'attention aux réclamations des supérieurs de l'abbaye de Banz concernant *M. Schad*.

Сопоставляя этот отзыв съ заключеніемъ Дегурова, мы видимъ большое сходство между ними не только въ содержаніи, но отчасти и языкѣ; только отзывъ анонима гораздо обширнѣе и полнѣе Дегуровскаго. Впрочемъ сходство это не настолькоъ значительное, чтобы давало право заключать о принадлежности обоихъ записокъ одному и тому же лицу; оно можетъ объясняться знакомствомъ болѣе поздняго рецензента съ трудомъ его предшественника.

Какъ-бы то ни было, этотъ новый отзывъ окончательно отвердилъ Кн. А. Н. Голицына въ его мысли о Шадѣ, какъ о противникѣ христіанскаго піетизма, и побудилъ его оставить въ полной силѣ принятую противъ него суровую мѣру.

VI.

Отрѣшеніе Шада отъ должности и административная высылка изъ Харькова.

Разсмотрѣнныя нами выше жалобы на Шада по дѣлу о докторскихъ степеняхъ, а также явныя и тайныя обвиненія его сочиненій во вредномъ ихъ направленіи привели къ весьма печальнымъ для него результатамъ: окончились удаленіемъ его отъ профессуры и высылкою изъ Харькова за границу. Посмотримъ, какова была роль тѣхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, которыхъ впослѣдствіи самъ Шадъ считалъ виновниками столь суровой мѣры. Онъ обвинялъ въ своемъ несчастіи главнымъ образомъ Дегурова и попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго и старался, конечно, изъ понятныхъ политическихъ соображеній, оправдать во всемъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына. Такъ ли это было въ дѣйствительности? Проф. Дегуровъ несомнѣнно сыгралъ главную роль въ этомъ случаѣ: выступилъ и явнымъ, и тайнымъ его обвинителемъ и въ дѣлѣ о диссертацияхъ, и въ эпизодѣ о собственныхъ его сочиненіяхъ. Изъ министровъ гр. А. К. Разумовскій не хотѣлъ принимать противъ Шада никакихъ репрессивныхъ, суровыхъ мѣръ, а кн. А. Н. Голицынъ, наоборотъ, на основаніи тѣхъ же данныхъ объ этомъ дѣлѣ, которыя были у гр. Разумовскаго, предложилъ комитету министровъ удаленіе и высылку Шада; что касается попечителя гр. С. О. Потоцкаго, то его роль была чисто пассивная, а не активная—во всякомъ случаѣ онъ не только не предлагалъ высылки Шада, а еще сомнѣвался въ томъ, слѣдуетъ ли его отрѣшить отъ должности. Ректоръ Т. Θ. Осиповскій также проявилъ просвѣщенную терпимость въ этомъ дѣлѣ—былъ противъ истребленія одного изъ его сочиненій. || ✓

Эти общія положенія доказываются приводимыми ниже документальными данными.

28 января 1816 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій послалъ совѣту Харьковскаго университета приказъ пріостановиться съ печатаніемъ книги Шада „De viris illustribus urbis Romae“ и прислать какъ отпечатанные листы, такъ и ненапечатанную часть рукописи. Но это распоряженіе запоздало: книга была уже отпечатана. 17 февраля того же года министръ поручилъ совѣту дать отзывъ объ

этой книгѣ и объяснить, на какомъ основаніи она печатается. Совѣтъ прислалъ требуемое объясненіе, но уже не министру гр. А. К. Разумовскому, а смѣнившему его въ этой должности кн. А. Н. Голицыну и притомъ тогда только, когда онъ сдѣлалъ новый запросъ объ этомъ попечителю округа. Вотъ что писалъ кн. А. Н. Голицынъ гр. С. О. Потоцкому: „Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, усмотрѣвъ изъ приложеннаго здѣсь въ коніи донесенія цензурнаго комитета Харьковскаго университета невыгодное мнѣніе его объ изданной по порученію совѣта этого университета проф. Шадомъ книгѣ подъ заглавіемъ „*De viris illustribus urbis Romae*“, предложеніемъ отъ 17 февраля сего года требовалъ у совѣта, чтобы онъ разсмотрѣлъ это сочиненіе, далъ о немъ свое заключеніе и объяснилъ, почему оно напечатано на казенный счетъ безъ представленія предварительно рукописи его начальству; самую же книгу велѣно было впредь до разрѣшенія не выпускать изъ типографіи. Но прежде чѣмъ получена была эта бумага, книга была выпущена въ свѣтъ—а между тѣмъ требуемаго объясненія представлено не было. На запросъ попечителя совѣтъ далъ слѣдующее объясненіе. „Представленная училищному комитету проф. Дегуровымъ книга „*De viris illustribus urbis Romae*“, напечатанная Ломондомъ въ Парижѣ, для изданія ея въ пользу обучающагося въ нашемъ округѣ юношества, этимъ комитетомъ была сообщена факультету словесныхъ наукъ, который и одобрилъ ее для этой цѣли. Между тѣмъ проф. Шадъ до получения мнѣнія отъ факультета словесныхъ наукъ въ отвѣтъ на предложеніе ректора относительно изданія нѣкоторыхъ лучшихъ латинскихъ авторовъ на пользу обучающагося юношества, письменно изъяснилъ Совѣту желаніе взять на себя безденежно изданіе латинскихъ книгъ—„*De viris illustribus*“ „*Aeneis*“ Virgilii и „*Selectae odae*“ Horatii, изъясняя, что онъ при изданіи ихъ употребитъ всевозможное стараніе какъ въ разсужденіи краткости, чтобы тѣмъ способствовать и дешевой цѣнѣ ихъ, такъ и ясности, ибо прибавитъ отъ себя примѣчанія и исправить типографскія ошибки. Совѣтъ же, основываясь на предложеніи бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго отъ 23 іюня 1811 г., коимъ позволялось на счетъ университета печатать классныхъ римскихъ писателей—Ю. Цезаря, Саллюстія, Виргилія и Корнелія Непота,—поручилъ Шадѣ изданіе вышеупомянутыхъ книгъ положеніемъ своимъ отъ 2 іюля 1815 г. изъяснить профессору Шадѣ благодарность Совѣта за то, что онъ принялъ на себя безденежно изданіе этихъ книгъ и исправленіе типографскихъ ошибокъ. Потомъ по полученіи предложенія отъ министра отъ 17-го февраля, коимъ предписано было Совѣту разсмотрѣть изданную профессоромъ Ша-

домъ книгу „De viris illustribus“ и дать свое о ней мнѣніе, Совѣтъ положилъ представленныя цензурнымъ комитетомъ на эту книгу замѣчанія сообщить своимъ членамъ для сличенія ихъ съ подлинникомъ и для представленія своихъ мнѣній касательно замѣченныхъ цензурнымъ комитетомъ нѣкоторыхъ мѣстъ; съ этою цѣлью потребовано было отъ проф. Дегурова подлинное изданіе Ломонда. Но такъ какъ Дегуровъ словесно объяснилъ, что изданія Ломонда у него уже не имѣется, то Совѣтъ за недостаткомъ подлинника не могъ дать никакого заключенія объ книгѣ профессора Шада и не доносилъ ничего о томъ высшему начальству“.

Заключеніе о другомъ сочиненіи Шада „Institutiones juris naturae“ было отправлено, какъ мы видѣли, Совѣту университета гр. А. К. Разумовскимъ 15 марта 1816 г. Въ немъ лично противъ Шада не принималось никакихъ мѣръ, а только отдавался приказъ не употреблять этой книги въ школахъ. Попечитель гр. С. О. Потоцкій, когда ему была сообщена эта бумага, далъ на нее слѣдующій отвѣтъ. „Будучи во всемъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Вашего Сіятельства о непригодности для нашего юношества изданной проф. Шадомъ книги (Institutiones juris naturae) имѣлъ уже въ намѣреніи, не довѣряя собственнымъ своимъ свѣдѣніямъ по этой части, представить ее на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, но такъ какъ Ваше Сіятельство изволили нынѣ сообщить мнѣ подробно свои мысли объ этой книгѣ, то я охотно поспѣшу исполнить во всей точности волю Вашего Сіятельства, тѣмъ болѣе что самъ совершенно убѣжденъ въ полезномъ дѣйствіи ея на будущее время“. На сколько близокъ былъ въ дѣйствительности гр. С. О. Потоцкій къ осуществленію своего намѣренія о представленіи книги Шада въ главное правленіе училищъ, теперь конечно судить мудрено: во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы привести въ дѣйствіе свою мысль—и однако этого не выполнилъ. Мы думаемъ, что этого не сдѣлалъ, потому что не въ его натурѣ были мѣры, направленные къ уменьшенію свободы научнаго изслѣдованія. И такъ, при гр. А. К. Разумовскомъ, противъ личности Шада по возбужденнымъ обвиненіямъ, не были приняты никакія репрессивныя мѣры: сдѣлано было только распоряженіе о недопущеніи его „Естественнаго права“ въ школы и, вѣроятно, такая же участь ожидала и другую его книгу „De viris illustribus urbis Romae“; говоримъ „вѣроятно“, потому что дѣло о ней при Разумовскомъ еще не было закончено.

Рѣшеніе участи Шада и его книгъ взялъ на себя исключительно новый министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ. По соб-

ственной инициативѣ, онъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ предложениемъ слѣдующаго содержанія. „Вызванный изъ чужихъ краевъ въ Харьковскій университетъ ординарный профессоръ теоретической и практической философіи коллежскій совѣтникъ Шадъ имѣлъ отъ Совѣта этого университета порученіе напечатать на казенный счетъ для училищъ книгу на латинскомъ языкѣ „*De viris illustribus Romae*“ (о знаменитыхъ римлянахъ), изданную во Франціи Ломондомъ. Бывшій министръ просвѣщенія, узнавъ, что въ книгѣ этой новымъ издателемъ Шадомъ сдѣланы прибавленія не только излишнія, но и содержащія въ себѣ мысли и выраженія, для учащагося юношества соблазнительныя и для воспитанія его вредныя, предложилъ университету доставить ему по экземпляру каждаго напечатаннаго листа и если еще не вся книга вышла изъ печати, то прислать и неотпечатанную часть рукописи, а до разрѣшенія его печатаніе остановить и отпечатанныхъ листовъ никому не выдавать. Книга эта однакожь вскорѣ получена была въ департаментѣ министерства просвѣщенія уже въ отпечатанномъ видѣ. Цензурный комитетъ Харьковского университета, посылая ее, въ своемъ донесеніи подтвердилъ мнѣніе, внушенное о ней министру, изъяснивъ между прочимъ, что профессоръ Шадъ безъ вѣдома Совѣта и цензуры прибавилъ къ этому сочиненію предисловіе, заключающее въ себѣ много такихъ мѣстъ, кои не должны бы напечатаны быть съ одобренія начальства, и притомъ предисловіе это содержитъ обидныя замѣчанія на счетъ сочинителя, который, издавъ это небольшое собраніе исторій назадъ тому 40 лѣтъ, не могъ хвалить военной системы Наполеона; между прибавленіями же, въ самой книгѣ сдѣланными профессоромъ Шадомъ, есть такія, кои совершенно не приличны въ сочиненіи, предназначаемомъ для юношества. По полученіи этого донесенія отъ цензурнаго комитета, министръ предложилъ совѣту Харьковского университета рассмотреть книгу и дать о ней свое заключеніе, а до разрѣшенія его книги изъ типографіи не выпускать. Въ скоромъ времени въ департаментѣ министерства просвѣщенія получена была другая изданная профессоромъ Шадомъ для употребленія въ училищахъ книга, подъ заглавіемъ „*Institutiones juris naturae*. (Право естественное). Бывшій министръ неукоснительно замѣтилъ попечителю, что книга эта, по слогу своему, уже не можетъ быть учебною, ибо такія книги должны быть, сколько возможно, просты, кратки и ясны, сочиненіе же Шада слишкомъ пространно и во многихъ мѣстахъ весьма не ясно. Въ немъ помѣщены разныя постороннія разсужденія, совсѣмъ не входящія въ составъ такой учебной книги, какъ-то: длинныя объясненія предложенной авторомъ системы и опроверженія возраженій противниковъ, часто

повторяемые намеки на новѣйшія политическія происшествія, сильное нападеніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ, длинные отрывки не только изъ древнихъ, но и изъ новѣйшихъ авторовъ и даже поэтовъ. Сверхъ того находится въ этой книгѣ довольно отвлеченныхъ и темныхъ мыслей и объясненій; разсматриваніе права и наказанія по категоріямъ,— мѣста неудобопонятныя для нашего юношества. Авторъ придерживается новѣйшей въ Германіи возникшей философіи, и въ особенности послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ правилахъ системъ Шеллинга, которую вводитъ въ Россію не слѣдуетъ. Кромѣ того въ сочиненіи Шада находятся разные мѣста, въ коихъ разсуждаетъ онъ не съ надлежащею осторожностью и выражаетъ мысли свои не съ такою скромностію, каковая нужна въ учебной книгѣ; приводятся мѣста, не совсѣмъ сообразныя съ коренными въ нашемъ государствѣ понятіями о власти Монаршей, о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами и весьма неприличныя замѣчанія на существующія въ Россіи учрежденія; объясненіе же правилъ о супружескомъ союзѣ по справедливости можетъ почтеться противнымъ нравственности. Хотя правила автора и могли бы быть оправдываемы, но въ томъ видѣ, какъ имъ изложены, они неприличны въ писанномъ для юношества сочиненіи и могутъ подавать поводъ къ соблазнамъ и даже къ порчѣ нравовъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ бывшій министръ поручилъ попечителю предписать университету, дабы книга эта не была употребляема въ преподаваніи лекцій.

Между тѣмъ еще открылся случай, подтверждающій недобросовѣстность профессора Шада. Нѣкто Гриневицъ и Ковалевскій искали въ Харьковскомъ университетѣ степени доктора. По установленію, слѣдовало имъ сочинить диссертациі. Диссертациі ихъ оказались поддѣланными и списанными съ диссертациі Шада и съ тетрадей, по коимъ онъ преподавалъ свои лекціи.

Бывшій министръ просвѣщенія предписалъ попечителю, что, если окажется въ этомъ дѣлѣ какое злоупотребленіе, то для прекращенія его впредь, не найдетъ ли онъ нужнымъ сдѣлать представленіе объ удаленіи профессора Шада отъ должности.

По вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ просвѣщенія, найдя дѣла эти безъ дальнѣйшаго движенія, я сдѣлалъ вновь по нимъ отношеніе къ попечителю, съ тѣмъ чтобы онъ сообщилъ мнѣ рѣшительное свое мнѣніе о Шадѣ, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что нельзя не признать, что профессоръ этотъ въ разсужденіи представленныхъ Ковалевскимъ и Гриневицемъ диссертаций подвергъ себя нѣкоторому подозрѣнію въ пристрастіи; справедливо и то, что въ сочиненіи его

„De viris illustribus Romae“ включены мѣста, которыя хотя и свойственны латинскому языку и не содержатъ въ себѣ прямой цѣли къ соблазну, но при всемъ томъ не могутъ быть терпимы въ книгахъ, издаваемыхъ для юношества; равнымъ образомъ и въ пространныхъ сочиненіяхъ его, какъ напримѣръ, въ Логикѣ и Ius naturae, встрѣчаются нѣкоторыя странности, свойственныя однако почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, и онъ въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ оказывается безъ сомнѣнія виновнымъ. Но достаточны ли эти причины къ удаленію его отъ должности безъ дальнѣйшаго изслѣдованія и суда, о томъ представилъ на мое разсмотрѣніе.

Въ 66 § университетскаго устава сказано: „совѣтъ университета имѣетъ обязанность удалять отъ должности всѣхъ чиновниковъ, отъ выбора его зависящихъ, кои окажутся въ должности нерадивы, неповиновеніемъ начальству нарушаютъ порядокъ, или изобличаются въ какихъ либо непростительныхъ поступкахъ; но къ этому долженъ онъ приступить не иначе, какъ по предварительномъ изслѣдованіи университетскаго правленія и на основаніи постановленія, которое было бы утверждено двумя третями голосовъ. Сдѣланный такимъ образомъ приговоръ представляется на разсмотрѣніе начальству“. Хотя этимъ постановленіемъ предписывается проступки университетскихъ чиновниковъ предварительно подвергать изслѣдованію университета, но это постановленіе касается только тѣхъ случаевъ, когда университетъ найдетъ кого либо виновнымъ по содержанію упомянутаго параграфа; профессора же Шада, по вышеизложеннымъ поступкамъ его, само министерство нашло виновнымъ; почему и формальнаго суда надъ нимъ производить не слѣдуетъ. Притомъ въ данномъ постановленіи, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду всякіе другіе проступки, а не проступки въ распространеніи вредныхъ правилъ, въ чемъ уличается профессоръ Шадъ. Если предать его университетскому суду, то дѣло это не скоро приведено будетъ къ концу, а между тѣмъ профессоръ Шадъ станетъ продолжать свои вредныя наставленія и поступки.

По этимъ причинамъ испрашиваю разрѣшенія комитета гг. министровъ немедленно удалить профессора Шада отъ занимаемой имъ въ университетѣ должности.

Князь Александръ Голицынъ.

Изъ этого представленія ясно видно, что 1) противъ Шада были выставлены только тѣ обвиненія, о которыхъ шла рѣчь уже раньше; 2) по университетскому уставу, слѣдствіе и судъ надъ нимъ должны были принадлежать правленію и совѣту университета; 3) министръ рѣшилъ отрѣшить его отъ должности безъ формальнаго слѣдствія и суда; 4) попечитель округа гр. С. О. Потоцкій не считалъ для себя

возможнымъ поступить такимъ образомъ и предоставилъ рѣшеніе участи Шада министру. Во вторичномъ своемъ представленіи этого дѣла кн. А. Н. Голицынъ изображалъ здѣсь роль гр. С. О. Потоцкаго слѣдующими чертами: „бывшій попечитель, къ которому я предварительно о немъ отнесся, отвѣчалъ мнѣ, что Шадъ дѣйствительно не можетъ быть оправданъ, но какъ таковыя странности свойственны почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, то и подлежитъ разсмотрѣнію, слѣдуетъ ли его потому немедленно удалить отъ должности, при томъ онъ признавался самъ, что не пріемлетъ особеннаго участія въ этомъ человѣкѣ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ непріятномъ“.

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 3 ноября 1816 года призналъ, что профессора Шада не только не должно болѣе оставлять при настоящей должности, но съ тѣми правилами, какія онъ обнаружилъ уже, онъ не можетъ вовсе быть терпимъ въ Россіи и посему полагалъ: 1) удаливъ его немедленно отъ должности, выслать за границу, 2) обѣ изданныя имъ книги совершенно истребить, 3) дать о томъ знать прочимъ университетамъ. Графъ Аракчеевъ объявилъ вскорѣ, что Государь Императоръ, по разсмотрѣніи меморіи, утвердилъ мнѣніе комитета министровъ.

Такимъ образомъ, комитетъ министровъ съ своей стороны еще усилилъ мѣру наказанія, предложенную кн. А. Н. Голицынымъ, не смотря на то, что этотъ послѣдній пошелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше своего предшественника гр. А. К. Разумовскаго. Обвиненія противъ Шада не усиливались, а градація наказаній сильно возрасла: первоначально приняты были только мѣры противъ его сочиненій, потомъ предлагалось удалить и его отъ должности, окончилось же тѣмъ, что его рѣшено было выслать административнымъ порядкомъ изъ Харькова. О томъ, какъ состоялась эта высылка, мы узнаемъ отъ самого Шада. Теперь же только прибавимъ, что попечитель округа вполнѣ согласился съ представленіемъ ректора университета Т. Θ. Осиповскаго о томъ, что бы книга Шада „*De viris illustribus urbis Romae*“ не подвергалась уничтоженію, а изъ нея было выброшено только введеніе и нѣкоторые листы, содержащіе неудобныя мѣста. Вотъ подлинный текстъ представленія попечителя. „Ректоръ университета Осиповскій въ силу послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія объ истребленіи книгъ бывшаго профессора Шада—„*Institutiones*“ и „*De viris illustribus*“—доноситъ мнѣ нынѣ, что первая книга, изданная Шадомъ на собственный его коштъ, въ университетѣ не находится, а только разослано по экземпляру ея въ гимназическія библіотеки, почему правленіе университета предварительно предписало директорамъ, чтобы изъ библіотекъ не давать никому читать этой книги. Что же касается до второй книги, то она

напечатана на счетъ университета и не выпущена еще изъ типографіи. Разсматривавшій ее проф. Дегуровъ протестовалъ только противъ предисловія, въ коемъ Шадъ помѣстилъ нѣкоторыя обидныя замѣчанія на счетъ французовъ, и противъ небольшого числа мѣстъ, кои хотя въ оригинальномъ изданіи Ломонда пропущены, но находятся въ другихъ изданіяхъ о славныхъ мужахъ римскихъ, которыя правительствомъ не запрещены. По этимъ причинамъ ректоръ университета предлагаетъ вмѣсто истребленія всей книги съ ущербомъ для казны уничтожить въ ней одно предисловіе и, перепечатавъ листы, содержащіе въ себѣ неприличныя выраженія, употреблять ее въ училищахъ, для коихъ эта книга и была издана. Но кн. А. Н. Голицынъ не согласился на это, какъ это видно изъ письма его къ новому попечителю З. Я. Карнѣеву, смѣнившему С. О. Потоцкаго. „Предмѣтникъ вашего превосходительства тайн. сов. гр. Потоцкій вслѣдствіе донесеній ректора Харьковскаго университета представилъ мнѣ, чтобы въ книгѣ, изданной бывшимъ профессоромъ Харьковскаго университета Шадомъ съ оригинальнаго изданія Ломонда подъ заглавіемъ „De viris illustribus“, истреблено было одно только написанное Шадомъ предисловіе. Я считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству, что такъ какъ Государь Императоръ по положенію комитета министровъ Высочайше повелѣтъ соизволилъ какъ эту книгу, такъ и другую, изданную Шадомъ, подъ названіемъ „Istitutiones juris naturae“, истребить совершенно, то по сему и должно быть неизмѣнно исполнено это повелѣніе. Если же книга Ломонда признается университетомъ полезною для употребленія въ училищахъ, то можно перепечатать ее совсѣмъ новымъ изданіемъ въ такомъ видѣ, какъ оно въ подлинникѣ находится. 8 мая 1817“.

VII.

Оправдательная записка проф. Шада, написанная въ Харьковѣ передъ высылкой.

Уже чувствуя надъ собою надвигающуюся грозу и желая ее предотвратить, Шадъ отправилъ изъ Харькова кн. А. Н. Голицыну 23 ноября 1816 г. краснорѣчивую оправдательную записку, въ которой пытался представить себя такимъ же піэтистомъ, какимъ былъ самъ министр. Онъ не зналъ, очевидно, тогда еще, что участь его была рѣшена безповоротно и что ему предстояло изгнаніе. Вотъ подлинный текстъ этой записки. „Такъ какъ я слышалъ, что Ваше Сіятельство, между другими важными занятіями, приняли на себя важнѣйшее и священнѣйшее занятіе—распространенія божественной вѣры Іисуса Христа чрезъ раз-

множеніе бібліи, дабы тѣмъ остановить разливающееся повсюду растлѣніе нравовъ и невѣріе, то и родилось во мнѣ желаніе помочь сколько нибудь къ достиженію этой спасительной цѣли. Въ этомъ намѣреніи принимаю смѣлость представить Вашему Сіятельству *переводъ и объясненіе псалмовъ*, которые сдѣланы мною въ бытность еще въ Германіи, и вмѣстѣ съ другими священными книгами ветхаго и новаго заветовъ, при помощи одного изъ тамошнихъ ученыхъ, изданы; при этомъ осмѣливаюсь я, Ваше Сіятельство, покорнѣйше просить приказать означенное изданіе разсмотрѣть знающимъ духовную часть людямъ. Еслибы трудъ мой удостоился благосклоннаго принятія и для библейскаго общества признанъ былъ бы годнымъ и полезнымъ, то я желалъ бы все сочиненіе еще разъ тщательнѣйше пересмотрѣть и такъ его отдѣлать, чтобы оно могло служить съ пользою для чтенія людямъ всякихъ исповѣданій. Я постарался бы прибавить къ тому и хорошій русскій переводъ, въ томъ намѣреніи, чтобы и духовные причетники россійскихъ церквей могли почерпнуть изъ книгъ моихъ спасительныя для нихъ наставленія. Если какая нибудь изъ книгъ ветхаго завета по справедливости можетъ назваться для всѣхъ духовныхъ полезною, наставительною и спасительною, то, безъ сомнѣнія, собраніе псалмовъ, съ переводомъ, исполненнымъ духа подлинника и прилежнымъ толкованіемъ. Изъ нихъ человѣкъ во всякомъ положеніи жизни, счастливомъ или несчастномъ, во всякомъ бѣдствіи, опасности почерпнуть можетъ наставленіе, утѣшеніе, ободреніе, надежду и подкрѣпленіе духа. Этимъ изданіемъ, надѣюсь я, какъ въ отношеніи перевода самого текста, такъ и объясненій его, приобрѣсти не малую предъ любителями вѣры и бібліи заслугу. Въ этомъ изданіи псалмовъ не только мало слѣдовалъ я французскому переводу, но могу сказать, что тутъ болѣе собственной работы. Однако же я прошу сочиненіе это, по разсмотрѣніи его въ Петербургѣ, возвратить мнѣ назадъ, ибо экземпляръ, при семъ препровождаемый, единственный, который я у себя имѣю, а изъ Германіи выписывать книги теперь весьма затруднительно.

Прилагаю при этомъ образчикъ русскаго перевода, сдѣланный однимъ отличнымъ молодымъ человѣкомъ, который обѣщалъ мнѣ перевести и всю книгу, если это ему будетъ поручено. Этотъ молодой человѣкъ называется Илья Гриневицъ, одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, когда либо въ университетѣ нашемъ бывшихъ. Онъ слушалъ лекціи на всѣхъ факультетахъ для того, чтобы имѣть общее понятіе о всѣхъ наукахъ и объ ихъ взаимной связи; равнымъ образомъ занимался онъ также и разными языками. Латинскій языкъ знаетъ онъ особенно хорошо. Въ недавнемъ времени перевелъ онъ Цицероново сочиненіе

„De natura deorum“, съ критическими примѣчаніями, также и другое сочиненіе „De Theologia antiquorum“; послѣднее вскорѣ должно выйти изъ печати. Такимъ же образомъ переведены и многія Цицероновы рѣчи на русскій языкъ. Теперь занимается онъ переводомъ моего изданія псалмовъ.

Этотъ молодой человѣкъ, въ прошломъ году, для полученія степени доктора философіи, выдержалъ всѣ предписанныя испытанія съ отличнымъ одобреніемъ и, не взирая на то, до сихъ поръ не могъ еще получить диплома. Ту же участь претерпѣлъ и другой молодой человѣкъ, по имени Петръ Ковалевскій, который обучался сперва въ Московскомъ университетѣ и затѣмъ шесть лѣтъ учился въ Харьковѣ, единственно изъ благороднаго стремленія усовершенствовать себя возможнымъ образомъ въ общепользныхъ знаніяхъ. Въ теченіе означеннаго времени проходилъ онъ съ отличнымъ прилежаніемъ всѣ части философіи, римское и русскіе право и политическія науки. Весь споръ, произведенный профессоромъ Дегуровымъ, относительно двухъ вышепомянутыхъ молодыхъ людей, зависитъ отъ разрѣшенія нижеслѣдующаго вопроса: *можно ли студенту, который всѣ предписанныя испытанія выдержалъ съ отличною честію, отказать въ докторскомъ дипломѣ потому, что написанную имъ на латинскомъ языкѣ диссертацию другой кто либо, болѣе знающій его этотъ языкъ, исправилъ въ слогъ?* Принявъ это за основаніе, надлежало бы всѣ дипломы, выданные отъ основанія нашего университета студентамъ, отобрать, ибо можно смѣло сказать, что по настоящее время не было ни одной студенческой диссертации на латинскомъ языкѣ, которая бы напечатана была безъ предварительныхъ поправокъ. И можетъ быть, нельзя иного раньше 50-ти лѣтъ и ожидать намъ, ибо въ гимназіяхъ нашихъ обученіе латинскому языку находится еще въ такомъ худомъ состояніи, что молодые люди, приходя оттуда въ университетъ, можно сказать, вовсе языка этого не знаютъ. Все, что въ продолженіе не многихъ учебныхъ лѣтъ съ возможнымъ прилежаніемъ приобрѣсти они успѣваютъ, состоитъ въ томъ, что могутъ наконецъ слушать лекціи на латинскомъ языкѣ, выдержатъ на немъ испытаніе и въ случаѣ нужды что нибудь написать, хотя и ошибочно, по латыни; да и могутъ ли они въ теченіи 3 или 4 лѣтъ столько въ немъ усовершенствоваться, чтобы быть уже въ состояніи написать что либо по латыни для печати и при этомъ такъ хорошо, чтобы не потребовало оно многократныхъ исправленій. По уставу о цензурѣ, нельзя печатать сочиненіе, наполненное грамматическими ошибками или несвойственными языку выраженіями. Сказать правду, хуже того еще: въ университетѣ нашемъ не много найдешь профессо-

ровъ, знающихъ латинскій языкъ въ такой степени, чтобы написанное ими на этомъ языкѣ не было наполнено барбаризмами и даже ошибками противъ грамматики. По крайней мѣрѣ профессоръ Дегуровъ, который напалъ на вышеозначенныхъ двухъ молодыхъ людей за диссертациі ихъ, принадлежитъ къ наименѣе свѣдующимъ въ латинскомъ языкѣ. Если бы ему самому пришлось для полученія докторской степени написать латинскую диссертацию, то я увѣренъ, что до отдачи ея въ печать надобно было бы ее всю переправить. По этому прине-сенная имъ жалоба не имѣетъ ни цѣли, ни смысла.

Впрочемъ, хуже всего то, что споръ, имъ произведенный, очевидно, противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ началамъ справедливости. Всюду, гдѣ только имѣютъ и признаютъ какія либо права, принято за аксіому: *audiat et altera pars*. Въ настоящемъ спорѣ не было однако же это уважено. Съ самаго начала, какъ профессоръ Дегуровъ затѣялъ этотъ споръ, подавалъ я въ совѣтъ, одно за другимъ, четыре прошенія, въ которыхъ показывалъ несправедливость поступковъ профессора Дегурова и его прислужниковъ или сообщниковъ. Однако же, не только представленій моихъ не принимали, но не позволяли мнѣ и прочитатъ ихъ. Одинъ разъ, когда я потребовалъ, чтобы меня выслушали, причѣмъ сослался на 6-ю статью 55 § устава, въ которой значится: „*quicumque est contrariae sententiae, potest opinionem suam scriptim, notato nomine suo, declarare. Haec declaratio eam habet vim, ut ipsi respondendum non sit de communi decisione*“,—то засѣданіе тотчасъ было закрыто. Дѣло это началось съ того, что не хотѣли принимать моихъ представленій противъ очевидной несправедливости; въ такомъ же духѣ оно продолжалось, такъ и кончилось. Ибо когда наконецъ профессоръ Каменскій, занимавшій тогда мѣсто секретаря, предложилъ описаніе всего дѣла послать въ Петербургъ, и описаніе это представлено было потомъ этимъ профессоромъ, то профессоръ Рейтъ, бывшій деканомъ этико-политическаго отдѣленія, подалъ въ совѣтъ представленіе, въ которомъ говорилъ, что составленное профессоромъ Каменскимъ описаніе большею частію несправедливо. Рейтъ требовалъ, чтобы замѣчаніе его внесено было въ протоколъ совѣта и вмѣстѣ съ описаніемъ Каменскаго отправлено въ Петербургъ. Однако же и въ томъ, и въ другомъ было ему отказано. Хотѣли непременно, чтобы истина никакъ не могла открыться и сдѣлаться извѣстною въ Петербургѣ. При этомъ случаѣ я не могу удержаться, чтобы не привести одного мѣста изъ священнаго писанія, именно, гдѣ Иисусъ говоритъ: „*Omnis qui male agit, odit lucem, et non venit ad lucem, et non avertuntur opera ejus. Qui autem facit veritatem, venit ad lucem, ut manifestentur opera ejus, quia in Deo sunt facta*“. Иоан. III, ст. 20—21.

Если во всемъ образованномъ мірѣ принимается за аксіому положеніе: *audiat et altera pars*; если самимъ даже злодѣямъ, заслужившимъ смерть, позволяется избрать для себя адвоката, то ваше сіятельство можете сами, могъ бы весь разсудительный и справедливый свѣтъ рѣшить, согласно ли съ истиною, было ли хотя малѣйшее правосудіе въ началѣ, продолженіи и окончаніи спора, возникшаго по личной ненависти ко мнѣ профессора Дегурова, спора, въ которомъ отъ начала до конца непринимаво было никакое справедливое представленіе, гдѣ силою заглушаемы были голоса противной стороны. Истинное и послѣднее основаніе этого чуднаго ожесточенія противъ истины и справедливости заключается въ непримиримой ненависти, которую профессоръ Дегуровъ возымѣлъ къ моей философіи и которую успѣлъ онъ вдохнуть и въ другихъ. Ибо философія моя считается за величайшее преступленіе распространеніе французскаго заразительнаго духа между російскими воспитанниками; напротивъ она, письменно и словесно, старается о распространеніи вѣры, нравственности, любви къ отечеству и усердія къ общему благосостоянію. То, что въ сочиненіяхъ моихъ и чтеніяхъ всегда защищаль я священный предметъ, поставлено мнѣ въ преступленіе, за которое и терплю гоненіе, за которое всѣ сочиненія мои частію перетолкованы въ худую сторону, частію же запрещены, и наконецъ за которое стараются меня вытѣснить изъ университета. Но я всегда поставлю себѣ за честь это мнимое преступленіе, буду продолжать держаться его, съ рвеніемъ до послѣдняго дыханія и наконецъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ съ похвальнымъ вѣнцомъ, съ полною довѣренностію явлюсь предъ престоломъ Создателя, гдѣ не будетъ уже лицепріятія, ни лести, ни обмана, ни злобы, но гдѣ принимаема будетъ одна истина, добродѣтель и справедливость, гдѣ Богъ осушить слезы съ очей вѣрующихъ въ него, гдѣ не слышно уже будетъ ни воздыханій, ни стоновъ притѣсненной невинности и попираемой заслуги. Той блаженной перемѣны, о которой воздыхаю я ежедневно, достигнуть скоро надѣяться меня заставляетъ слабое, частію отъ непрерывныхъ работъ, частію же отъ мучительныхъ болѣзней изнуренное здоровье. Въ полной увѣренности, что ваше сіятельство защищаете всегда справедливость, право, невинность и заслуги, остаюсь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства всенижайшимъ слугою профессоръ Шадъ“.

Записка эта не могла оказать вліянія на участь Шада, ибо извѣстное намъ рѣшеніе комитета министровъ состоялось 3 ноября, т. е. раньше отсылки ея въ Петербургъ. „8 декабря 1816 г., по предписанію министра полиціи, Шадъ былъ поспѣшно вывезенъ изъ Харькова и